

ПЯТЬ
ВАРИАЦИЙ
С МУЖЬЯМИ

М. Коломенский

16+

Михаил Юрьевич Коломенский

Пять вариаций с мужьями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56132035

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05514-8

Аннотация

Происходящее с нами – извечно; меняются только среда и одежды. Пять историй о любви на фоне жизни нашей страны с 1970-х до 2010-х. Это очень разные истории – разной была жизнь, – и жанры тоже разные (от романтической драмы через ромком к гротеску), а общее в них – Он и Она, которым надо – конечно же! – соединиться. Всякий раз на их пути муж, возможный или реальный, и всякий раз исход непредсказуем. Читатель помоложе увидит здесь неожиданные сюжеты, а тот, кто постарше – наверное, загрустит. Да, это драмы – даже когда нам смешно; путь к радости пролёт через отчаянье; и нет здесь смертей лишь потому, что их отводит Любовь. В этой книге она – с большой буквы.

Содержание

Ремонтантная невеста / 1970-е	4
Ряд потрясений в гостинице / 1980-е	31
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ремонтантная невеста / 1970-е

Кто жил-бывал на юге Украины – в Донбассе, скажем, или где Днепр приближается к морю, – тот знает особую негу и роскошь тамошней летней ночи, полной таких ароматов, каких не услышать нигде в ином месте. Но не одни только запахи, нет, – само состояние всей атмосферы вливает в тебя отраду дивную и бесконечно желанную.

Что же такое там? чем создаётся эта нега? Ведь нет такого же рядом по широте; и ниже, южней, где должно быть ещё нежней, – тоже этого нет. В чём дело? Состав ли воздуха чуть другой? виды трав и цветов и количества этих видов? влага другая?.. или скрыто тут нечто гораздо более общее, до сих пор не постигнутое и не названное?..

Благодать – вот ещё подходящее, верное слово; но так устроены многие люди, что благодатна для них лишь почва. А наивысшая благодать – удачно продать урожай. Конечно, это понятно. И правильно это, кто же спорит. Да только ведь что получается? Жизнь словно ставит выбор: или ты полной грудью вдыхаешь чудесный воздух, или очи свои в прилавок воткнул, от него тебе благодать. И посмотрев на людей, мы видим: или – или. Но – почему? Что мешает, что не даёт тебе, озабоченному торговлей, отдаться чуду неповторимой ночи? Неужто эта забота так тебя заняла, иссушила? Тогда тем более – в ночь! Вылечись ею!

Но нет, – здоровый ты и весёлый, лечиться тебе не надо. Но – и чуда нет для тебя. А тот, кто живёт им, кто слышит его, кто впустил его в свою душу – напротив, нередко грустен. Ещё одна непонятность... Кто объяснит?

А пока никто нам не объяснил того – расскажем всё просто, как было. Ведь выглядит всё всегда просто. Просто пришёл, просто ушёл, просто сказал. Сложным становится всё тогда, когда начинаем смыслы искать. То есть – на самом деле – пытаться свои вложить. Но как же без них? Да тоже просто. Никаких рассуждений: вот картина. Что в ней увидим, то и наше.

Плодородна, хороша украинская почва. Замечательно тут овощам и фруктам, цветочкам и ягодам. Конечно, если ухаживать. Требуется ухода, например, клубника. Захочешь получить достойный результат – отдай ей всё время, отдай ей свой труд, отдайся ей весь. И некоторые так и поступают. Некоторые сёла. Широко пораскинулась в них эта ягода – в огородах, в теплицах. Берегут её люди от заморозков, поливают ежевечерне, удобряют старательно, усики вовремя обрезают, рассаживают, пересаживают, опилками (а лучше: стружкой) грядки пересыпают, ночей ради неё недосыпают... ох! А есть и другие люди, которые клубники-то попробовать хотят, но то ли не желают потрудиться, то ли нет у них теплиц и огородов, – в общем, не выращивают. И таких людей гораздо больше, они буквально везде. И они клубнику раскупают, и

сколько ты её на базар ни вывези, они всё равно раскупят. А почему? А потому, что государственная хоть и дешевле, но, во-первых, наглядно хуже и выбирать нельзя, а во-вторых – где же она? Вот и получается у тех, кто отдался клубничному делу, постепенное солидное богатство. А если село отдалось, то и всё село становится как бы иным, совсем не похожим на то, где лён да картошка.

Но и в таком селе живут грустящие.

Был грустящим Юра Прокопенко, хоть улыбался часто и песни смешные пел – которых, кроме как от него, Кандиевка не слыхала:

У сусіда хата біла,
У сусіда жінка мила,
Жінка мила, невеличка,
Носить жовті черевички...

Спрашивали: откуда ты их взял? Он улыбался, плечом пожимал: народные наши песни; странно, что вы их не знаете.

– А ты откуда знаешь? Ты ж по русскому учитель.

– Ну, и что? Во-первых, я украинец. А во-вторых, если б я по астрономии был учитель – так тогда мне как? Марсианские песни петь?

Смеются. Любят Юрку. Да и чего ж его не любить – телом статный и крепкий, душою отзывчивый, мягкий, и говорить

с ним всегда интересно. А то, что парень здоровый тетрадочки проверяет, – ну... Ещё неизвестно, как дальше пойдёт. Кем Юру потом назначат.

Ученики за ним – как стайка младших братьев. (Ближе всех – Сашка, читает с разбором, и сам недавно вдруг рассказик написал – краснея, в коридоре сунул, попросил посмотреть.) И в коллективе его уважают, и друзья-трактористы всегда ему рады, и Затулихе он помогает в хозяйстве. Совхоз бедноват, никакого жилья своего, и квартирует Юра у бабки, а совхоз ей за это приплачивает: молодой специалист, сюда прибывший по распределению.

Затулиха – тихая и, как и Юрка, добрая, хоть много утрат за жизнь свою потерпела; и Юрке она каждый день сочувствует.

Почему каждый день?

Все ж знают про Галю. И понимают: должно, наконец, оно как-то решиться. И чувствуют все, что скоро. Но вот как оно будет, как именно разрешится – точно никто не скажет. И спорят по хатам и на скамейках вечерних: чи віддадуть Мусіюки за Юрку свою Галю, чи ні?

Влюбился в неё Юрка так, что намерен остаться тут навсегда. И Гале он интересен: из себя парень видный, и на сельчан не похожий, начнёт рассказывать – слушать хочется, а взгляд серьёзный, задумчивый... и вообще...

Гадает село: будет ли свадьба?

С одной стороны – нет смысла Мусиюкам свою Галю за

Юрку отдавать; с другой – ведь всё-таки «вчитель». С одной стороны – и чего он за ней страдает, если ясно, что зря; с другой – вполне можно Юрку понять. Хороша собой Галя... Инструктор перед Пасхой приезжал из райкома комсомола, собрание проводил об усилении атеистической пропаганды, – не стесняясь, на Галю поглядывал. И Галя раза два в него стрельнула. Юра даже заволновался. Он сидел так, чтобы Галю видеть; ну, а инструктор сам был всем виден. Значительный, внушительный, звучным баритоном вопросы ставил и сам же на них отвечал – чувствовалось, что место ему не в райкоме, а повыше...

Ищет Юра случая поговорить с Галей наедине – вволю, открыто, прямо, – добиться наконец, определённости; но стерегут её братья Петро и Карп. Да и сама она ведёт себя переменчиво.

– Галя...

Молчит.

Юра тянется к ней, обнимает.

Она вырывается, но не слишком.

– Галка!.. – целует её торопливо, волнуясь.

– Пусти... Пусти... – на поцелуи не отвечает, но и не отталкивает, только губы прячет. – Ну, Юра... Ну, перестань...

– Галка...

– Перестань...

– Галка... Выходи за меня замуж...

– За тебя?

– А что такого?

– Да что ты, Юра...

– А что такого?.. – в шёпоте его – растерянность.

– Да перестань! – оттолкнула. Блузку одёрнула. – Во-первых, я тебе не «Калка». А Галечка. – По-южному «г» произнесла, подчеркнула.

– А во-вторых?..

– А во-вторых... Юра... Ну, ты сам подумай...

– Га-ля! – голос Петра.

– Ну всё, я пошла. Ну? Ага?

И вдруг чмокнула его в щёку, тёмными глазками сверкнула и – словно зверёк маленький, заманчивый, но в руки не дающийся, – исчезла...

Мается Юра от неясности.

Друзья утешают:

– Да мало у нас девок? Парень ты нормальный, обеспечить тебя бабой – раз плюнуть. Вон, Наташка с Дома быта по тебе сохнет...

– Да шо, одна Наташка?

– Га-га-га!..

– Юра!..

«Обеспечить» – ходовое словцо у кандиевских механизаторов. «...Та на склад, обеспечу себя запчастями». – «Гена, как с соляжкой? Обеспечился?» – «Зашли в магазин, обес-

печились по ноль-семь...»

Школьный завхоз Никитич – с усмешкой:

– Не мучайся ты, хлопче, понапрасну. Она ж ремонтантная. А ты кто? С высшим образованием?

Ранят Юру эти слова, обиделся он на Никитича. Чувствует он: в чём-то прав завхоз... Но – вскидывает Юрий голову и гонит прочь и завхозную правоту, и свои собственные думы. И опять ищет встречи с Галей.

А она – встречи ждёт. Может, это только весна пришедшая действует, – ну, а может, и впрямь полюбила Галя. Может такое быть? Может. Почему же нет?

Подолгу не засыпает; книжку поэзии, Юрой подаренную, под подушкой, как школьница, прячет; и, растворив в ночь окно, грустит... И, вздохнув, ложится: надо. Дни пошли трудные, начался *сезон*. Поливать, собирать, продавать. Каждую зорьку выезжают из ворот наполненные ящиками с поспевшей за ночь ягодой «жигули», и из соседских ворот тоже, и из других соседских ворот, дружно все выезжают, «жигули», «москвичи», а у кого-то и «волга», один за одним, как бомбардировщики на цель, пыль на улице осесть не успевают, вжжж... вжжж... вжжж... вжжж...

Нет равных Гале на любом базаре. Как магнитом, покупателей притягивает, и не торгуются с ней, а сама она торгует весело, живо, умело. В основные дни, когда клубники много, за прилавок становится и Карп, а Петро на мотоцикле с ко-

ляской делает дополнительный рейс, подвозит после обеда ещё вёдер пять свежей. Перед сном, уставшие, подсчитывают прибыль: Карп – на электронном калькуляторе, отец семейства Михайло – по старинке, карандашом на листке.

– Шестьсот семьдесят восемь за два дня, – объявляет Карп.

Отец сверяется со своим учётом:

– А оно должно быть семьсот сорок. Як минимум. Шо ж такое?

– Та ты, батя, вспомни, куда мы её в этот раз возили! Там же вся дорога в ямах, пятьдесят километров тряски, она же сок пустила, и всё.

– Сволочи... – вздыхает Михайло. – Когда вже вони дороги зроблять?.. Нэма хозяев, нэма! А ото помню, як ото мы у Германию увийшлы, так о там – дороги!..

Был фронтовиком Михайло. И медали есть, и орден. Но это давно уже было. Другая была жизнь...

– Батя! – обрывает его воспоминания Петро. – Погода.

Сообщение о погоде на завтра слушают внимательно.

– А-а... Брешут, – отмахивается сердитый Михайло.

Петро не согласен:

– Та чего брешут... Не брешут.

Карп молчит, не встречает. Он в мать пошёл – темноглазый, чернявый, складный. Чорніі брови, каріі очі в синем джинсовом костюме «Леви Страусс». Ласковый, быстрый, сметливый, скрытный, иногда (всегда внезапно) недобрый.

А Петро – ему уже под тридцать – он попроще, в отцовскую кровь: светлее, рыхлее, крупнее; громоздок, осторожен, основателен. Когда хочет одеться празднично – надевает чёрный костюм с ярким галстуком и чёрные начищенные ботинки. Неженаты оба. Карп пока и не намерен; Петру пора – да вначале ж надо выдать Галю.

Не за учителя, конечно... Он ей не пара, она ведь «ремонтантная». С характерной украинской едкостью так прозвали в округе невест из богатой части села: ремонтантная клубника цветёт и плодоносит аж до ноября – у этих невест не бывает возраста. За ними дают важное приданое: автомашину, скажем, или каменный дом с участком, или деньгами тысяч двадцать. А если она и на вид ничего... А если вообще красива...

Ясно, что жених должен быть под стать. И роднятся клубничники между собой, связи друг с другом крепят и сами крепнут, и гармошкой за околицей тут не перебеёшь, не одолеешь...

Какая там гармошка!.. Где она? По радио разве что. В дому Мусиюков гремит стерео «Panasonic», в комнате Карпа – фотографии рок-групп, а на пасхальном столе – не мутный самогон в бутылках-четвертях, но, помимо «Столичной», коньяки и даже виски. И разговоры совершенно деловые:

– Шо там та «виктория»... Рэмонтантную надо садить, она самая оптимальная...

– Ты мне усиков не дашь?

– Скильки тобі?

– Сотни две.

– На север надо направление брать, там у их даже в сезон кило по червонцу...

– Та на машине ж пока дойдэш...

– Самолётом.

– Ну, а як ты провэзэш пивтора центнёра?

– Та ото ж...

– А я так думаю, шо можно. У Костюченка кум в аэропорте...

– Ну, так ты это... организуй.

– А ты мне усиков... три сотни.

– Хто там прыйшов? Та цэ ж Иван!..

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес!..

– Го-го-го-го!..

Механизаторы тоже обеспечились. На травке, за бугорком, день тёплый, солнечный, выходной; и девчата с ними; выпивши, учителю толкуют:

– Вот ты, что положено, отработал – кидай свои учебники, иди до нас. Мы, конечно, пашем – так мы и получаем! На доске почёта будешь, в газете про тебя сообщат: передовой механизатор Юрий Прокопенко! И фотопортрет! Вот такой! А? А ты тетрадочки проверяешь... Ну разве то для мужика работа?

– А Павел Сергеевич?

– Ну, так он – директор! Директор – это да, должен быть мужчина. А стихами детей обеспечивать – Юра, ну ты сам подумай... Ну ты же умный парень...

Юра не спорит. Кивает. Невесело ему. О Гале все мысли.

(Ученички его, подростки, на улице её перехватили:

– Христос воскрес! Христос воскрес! – и целоваться лезут.

– Сопли подотри... пионер! – не сбавляя хода, отвечает Галя и скрывается, грохнув железной калиткой.

–Тю! Пионер! Тю! – смеются над униженным дружки.

Ох, кличка прилипнет... Сашку «писателем» задразнили...

– Кто ещё хоть раз меня пионером обзовёт...

– Пионер! Пионер!

Насмешнику – в глаз!

Свалка.

– Бей пионера!..)

Нежными июньскими ночами бродит по селу Прокопенко. Одинокое ему. У друзей его горячая пора, заняты; и Галя ж занята; и уроков уже нет, а отпуск ещё не наступил, – да и не знает он, что с отпуском делать... Непроницаем и высок забор у Галиного дома, в окно не заглянуть, и псы во дворе чуткие... Постоит-постоит Юра, да и пойдёт себе дальше. Смолкнет лай, и опять тихо... И принимается он напевать в

такт грустным своим ночным шагам:

– Аморе... Аморе мио...

Так ему оно, своё, слышится. По-итальянски. Почему? Спросить об этом его некому.

Догулял однажды до утра – и встал на выезде из села. Вжжж... вжжж... понеслись мимо. Напрягся: мусиюкские «жигули» увидел. За рулём Карп. С Галей бы взглядом встретиться... И вдруг вильнул автомобиль – едва успел отскочить Юрка! Споткнулся, упал. В пыль. Из машины не выглянули, хода не сбавили и не прибавили.

Отряхнулся. Остановил очередных:

– Доброго ранку, дядьку Степан. Подкиньте до города.

По шумному базару походил. Нашёл Галю. Из-за ларька долго наблюдал, всматривался. Любовался.

Приблизиться не решился. Уехал домой с автостанции.

Следующим утром:

– Доброго ранку... До города...

В этот раз повезло. Карп отлучился. Подошёл Юра к прилавку, шуткой охраняясь:

– Па-чём кулубныка, карасавица?

– Здравствуй, Юра, – ответила с нежданной серьёзностью.

Глянули друг в друга. И загляделись.

– Эй, красуля, чи ты торгуешь, чи с кавалером?.. – Юру оттолкнули, оттиснули.

Дождался конца базара. (Заметил, когда ждал: болезненно знакомый «Леви Страусс» вошёл в прибазарную церковь;

при входе нищим подал. Нищие его перекрестили.)

Уверенно встретил обоих, взгляд Галин в себе неся.

– Подвезите, ребята, домой.

Карп колебался секунду. Вдруг улыбнулся:

– Садись!

Впереди посадил, рядом.

Несколько минут молчали. Юра затылком Галю чувствовал.

Карп покручивал руль, небрежно трогал рычаг, переключал что-то; машина слушалась, летела.

А Юра водить не умел. И сейчас, сидя возле Карпа, сознавал свою несостоятельность – с каждой минутой всё острее.

– Что ж ты так меня... вчера? – откашлявшись, спросил.

– В другой раз – задавлю, – с той же, что и Галя, серьёзной откровенностью ответил Карп.

– В тюрьму посадят, – постарался пошутить Юра.

– Откупимся.

Дорога текла. Погромыхивали сзади порожние ящики.

Галя их придерживала – длинные, плоские, специально для деликатной ягоды изготовленные.

У въезда в село Карп затормозил.

– Дальше сам пойдёшь.

Ступил на дорогу Юра... и обернулся с отчаяньем:

– Галка, выйди на два слова!

Карп заглушил мотор, неторопливо опустил руку, взял крепкий резиновый шланг – как дубинка, удобный отре-

зок, – распахнул свою дверцу, начал выбираться...

– А ты с отцом поговори! – звонко крикнула Галка. – Если разрешит – так я выйду за тебя!.. Карп Михалыч, поехали!

Аморе... Аморе мио... – пели стены в учительской хате. Полка с книгами пела, старая настольная лампа и даже уют...

В дверь аккуратно постучали:

– Дома квартирант?

Расположились с достоинством – старик Михайло, Карп, Петро.

– До нас ходить тебе низзя, бо наши собаки тебя покусать могут, а мы не гордые, мы до такого зятя прийти не пожалеем бензину... Жениться, значит, хочешь? Так-так. Ну, а як ты соби это уявляєшь? Конкрэтно.

Впрочем, его слушали мало.

КАРП. У нас она каждый год на курорте бывает. Ты ей курорт каждый год предоставить сможешь?

МИХАЙЛО. У ней, извиняюсь, бюстгалтар... половина твоей зарплаты. Бог с ним, с курортом, – ты ей бюстгалтар купишь?

ПЕТРО. Мы за ней – хозяйство даём...

МИХАЙЛО. А ты? Шо ты даёшь? От эту книжную полку – и свои штаны?.. Значить, до нас на готовое добро. На дармовщину. Так-так.

ПЕТРО. Голодранец. Двадцать пять тысяч стоит с нами

породниться!

МИХАЙЛО. Оно, конечно, можно снизойти. Для культурного человека скидку сделать. Хлопец ты здоровый, с тебя добрый бы работник получился... Так низзя ж работникам иметь. И хозяином тебя ставить тоже низзя: мозги у тебя не такие. Всё дело загубишь. Ну, на шо ты нам здався?..

Тишина застыла после их ухода.

Затулиха пришаркала:

– Не журысь... На свити завжды так було...

С Галей тоже разговор состоялся. Всей семьёй; тут и мать подключилась. Над учителем посмеялись – а Гале пригрозили. Как заклятие прочли.

– Уйдёшь к нему – от тебя откажемся. Без приданого уйдёшь, без наследства оставим. Всю жизнь будешь в тряпках ходить и копейки считать. Наше слово твёрдо!

Первый раз в Галиной жизни так страшно, так по-чужому с ней говорили мама и тато.

Молчала ошеломлённо. Потом разрыдалась, взхлёб.

Её утешили – ласково и искренне.

От печали и в отсутствие уроков и друзей сошёлся ближе Юра с завхозом.

В хате у Никитича – портрет Тараса Шевченко, рушником овитый. По народной традиции.

Старый человек Никитич.

Но – нескудный. Юрку поддразнивает:

– А, Ромео пришёл... Ну, давай по стопцу – и стихи прочитаем. Про любов.

Был он до войны кузнецом. В войну в плен попал; вернулся в Кандиевку нескоро... И когда вернулся – кузни его уже не было и силы прежней в руках – тоже.

Обрез имеет и патроны – сосед в тридцатом спрятать попросил. Соседа раскулачили, обрез остался.

– Выбрось, – советует Юрий. – Не ружьё ведь.

– Жалко.

– Выбрось.

– Та какой же я тогда завхоз?..

Тянет к нему Юрку. Чует он в сухощавом этом старике вольность какую-то, весёлую смелость, независимость... Такое что-то, чего у Юрки недостаточно. Или вовсе нет.

О позорной беседе в селе не узнали. Затулиха молчала; Мусиюки – люди деловые, не болтливые.

Но самому ему – невмоготу.

– Никитич... Ну, что делать? Может, украсть её?

Хохотал Никитич от души.

– Ты, хлопче, сам уезжай. Уноси ноги.

– Да-да, я в отпуск пойду... уеду... А вернусь – к тому времени клубника как раз закончится...

Никитич глянул – ничего не сказал. Небрит Юрка, глаза вдаль устремлены и блестят.

Павел Сергеич обрадовался:

– Отпуск? Остаёшься, значит? От молодец! А я думал: три года свои отбудешь – и всё, прощай, школа... Хотя – у тебя ж тут зазноба...

Заявление подписав, до дверей проводил, довольный.

Выходя, столкнулся Юрка с райкомовским инструктором. Тем самым. Приехал он проверить молодёжные бригады. Заодно и в школу: как тут живёт комсомольская организация, как оформлена наглядная агитация, как тут слава отцов, стенды, альбомы.

А ночью, шагая от Никитича, наткнулся на райкомовский «уазик» у мусиюкских ворот.

Гостиницы в Кандиевке не было, приезжие всегда ночевали у кого-то. Но сейчас очень плохо от этого стало Юрке.

Затянулась у инструктора проверка. В райком из сельсовета звонил, командировку продлевал.

И Юрка не уезжает. Спит мало, похудел, одни глаза на лице. Молчит. Днём бабке в огородике поможет, вечером у Никитича посидит, ночью «уазик» проведает.

Через два дня – пропал «уазик». Уехал.

Для Юрки – как две недели тянулось. Вздохнул.

А когда с огорода пришёл к рукомойнику сполоснуться – над ветхой калиткой Сашкина голова:

– Юрий Витальевич... Здравствуйте. Подойдите...

И – негромко и быстро:

– Совсем как темно будет... Галя к модистке пойдёт... До-

мой потом будет идти... И там, где тополя, не доходя ставка... Знаете, ну?

– Подожди!..

Но Сашка уже шагал по улице дальше, не оборачиваясь.

Модистка – одинокая вдова, вся какая-то жилисто-плоская, – шила лучше, чем в ателье. Клубничники ей привозили журналы и делали по ним заказы, и из других даже сёл приезжали к ней иногда. Жила на краю, неудобно, – но для Юрки сейчас в этом было счастье.

Вышел по светлону, пошёл для маскировки сначала на ставок, вроде как искупаться. Но не решился: взрослых не было, плескалась малышня. Ушёл ещё дальше, дождался сумерек, потом завернул – и с другой стороны, не от села, пришёл к тополям.

Кто и когда их сажал?.. Неравномерно стояли и густо, и между ними заросли лоха... А главное – для свиданий у молодёжи было другое место, над ставком за занавесом ив.

Луна, поначалу пугающе гигантская, поднявшись, сделалась меньше и засияла. Тени стали чернотой, и при этом в них безостановочно происходило что-то; а то, на что падал свет, застыло.

Галя возникла вдруг. Он увидел её рядом, стоящей под тополем.

Он хотел сказать ей какие-то слова, но не знал, какие. Потом он обнаружил, что не может говорить.

И она молчала.

Он двинулся к ней.

Хотел поцеловать – и она хотела его поцеловать, – но почему-то не вышло, их лица прошли мимо друг друга. Вместо этого они обнялись; и он задрожал, ощутив, как она всё крепче и откровенней прижимает его к себе.

Внезапно-невыносимо-громко – он услышал её прерывающееся дыхание.

Это что-то изменило в происходящем. Они разнялись. Он отступил на шаг – а затем, не веря себе, взялся за края её платья и потянул вверх. И вверх, и вверх; и она вскинула руки и двумя движениями плеч помогла ему.

Он хотел её видеть, он отступил ещё.

Полуосвещённая луной, она стояла перед ним без платья и не отрываясь смотрела на него. Под чёлкой темнели огромные её глаза, и белели её трусы, и аромат её тела наполнил ночь.

Его сердце подкатило к горлу, он перестал дышать.

Голова её запрокинулась, и она застонала, негромко.

Он шагнул к ней. И она шагнула к нему –

и, выхватив платье, отскочила.

Через миг платье было на ней; она повернулась и побежала.

Он видел, как она споткнулась, но удержалась – и тут же исчезла в светлых зарослях лоха.

Оцепенение спало, он рванулся.

Он мчался, он нёсся, слыша при этом частый стук – то ли стук сердца, то ли удары ног о землю. Надо было успеть до дороги. Он успевал, он успевал, и от этого нёсся ещё быстрее – но, миновав ставок и взметнувшись на гору, он никого не увидел.

Дорога в село была пустынна, и над ней недвижно стояла только что летевшая луна.

Он понял: она побежала длинным путём, в сторону хаты модистки – чтоб вернуться домой оттуда. Теперь он уже не мог её догнать.

Он тихо вошёл в хату и сел на табуретку у стола. Потом прилёг на кровать.

Он лежал не шевелясь, в непрекращающемся потрясении, не веря, что видел её раздетой, увидел её трусы, и это он её раздевал, и она ему помогала себя раздеть, и прижимала к себе, и всё это было только что. И смотрели на него её глаза, тёмные и светящиеся, и было в них то, что превышало всё испытанное им до сих пор, всё мыслимое, всё желаемое.

Странное, больное время наступило. Дни и ночи пошли по кругу.

Он не знал – он ел или не ел. Единственное, чего он хотел, – увидеть её. Но почему-то это стало невозможным. Она будто исчезла из пространства.

Внезапно оборвалось.

– Инструктор з района Гальку сосватав, – поделилась За-тулиха вестью. – Весилля на яблочный Спас будэ, щоб на кур-орт поспилы поихаты.

– Сплетня... – задохнулся Юрка.

– А ты пиды, сам спытай.

Громыкнул в железные ворота.

– Чого тоби? – Михайло вышел.

– Он вам что: двадцать пять тысяч дал?.. – голос у Юрки дрожит. И губы.

– Та ни... таких грошив в нёго нэмае, – Михайло засме-ялся. И даже головой крутнул. – Дурной ты, а ще вчитэль. Цэ ж – власть. Сёгдни он инструктор, завтра секрэтар...

– Откуда известно?.. Это неизвестно!..

– Конешно, – спокойно согласился Михайло. – Та пока для нас и инструктор сгодится.

– Галя... – сказал Юрка. – Где?

Глянул на него Михайло исподлобья – но вместо того, чтоб калитку захлопнуть, ответил мягко – по-жителейски, по-соседски:

– Та поихала... його родни покозатысь.

И замолчал Юрка.

И повернулся и побрёл прочь.

Сидит инструктор за свадебным столом, и рядом – Галя. И вставши с нею, целует её вольготно под всеобщее одобрение.

Полсела гуляет на свадьбе!.. Ну, не полсела, конечно, –

село большое, – но много людей. Много. И танцуют, и песни поют.

А потом – тишина в тёмной комнате. Беззвучно и безразлично стоят изумрудные цифры в электронных часах. Поднялась с постели новобрачная – инструктор засопел, перевернулся, – подошла к раскрытому окну...

И Юра у окна, тоже в ночь смотрит. Не ложился. И будильник за его спиной – тики-тик, тики-тики, тики-тик, тики-тики, тики-тик...

Прошёл предрассветной улицей. Разбудил Никитича:

– Обрез!..

– От любви стреляться можно только офицерам, – наставительно сказал Никитич. – А как ты лицо гражданское, то должен вешаться.

– Не для меня... Я этих... ремонтантных...

– От это так! – развеселился Никитич. – Раньше кулаки по учителям с обрезов шмаляли, а теперь наоборот! Конец света, ей-бо, конец света...

– Дай!.. Где он?.. Дай!..

Не в себе был Юрка совершенно. Топорик в углу увидел, схватил. Но Никитич догадался:

– Она как жить после этого будет? О ней подумай!

С минуту, наверно, Юрка стоял, топорик сжимая двумя руками. Потом – поник.

Поил его Никитич до утра, и пил с ним вместе, на топчан

отволок, сам на пол поперёк входа бухнулся.

Проснулись заповдень. Никитич – немножко раньше, на стол уже собрал. Юрка себя плохо чувствовал; но умылся, поел, посидел – легче стало.

Домой он не пошёл, продолжили беседу. Никитич ему всякие истории рассказывал про жизнь в Кандиевке до войны – смешные. И Юрку он спрашивал про то, какой сейчас писатель самый лучший – из живых – и почему. И тоже смеялся, хотя Юрка ему говорил совсем не смешное. Но Никитичу было смешно.

А потом завечерело, и Юрка как-то сразу умолк и сделался неподвижен.

Никитич тоже сидел молча некоторое время.

Потом спросил:

– Ти, хлопче, мову розумієш?

– Так, – машинально ответил Юрка.

– Но то слухай, – сказал Никитич. – Козаком тепер не можна.

– Но так що? Це колись... – Юрка не понимал.

– Інші часи, так. Повсюдно... Уся мапа – один колір... Бо не волю цінували, а їжу... або врятування.

Юрка силился понять.

– Не козак – то така людина, яка має в собі й пана, і холопа. І хтось туди, а хтось сюди. Але... не буває, щоб усі. Природа проти.

Юрка по-прежнему не понимал.

– От – наприклад – я розмовляю з тобою українською мовою. А могу и по-русски. Точно так же. И ты же тоже можешь?

– Конечно, – Юрка удивился. – Я же... – чуть даже не засмеялся.

– А вони – напів так, напів сяк. Тобто ні так, ні сяк. Нездатні вони до певного.

Юрка опять не понимал.

– До своїх тобі треба, Юрко.

– А хто вони? І де?

– Десь, – кратко ответил Никитич¹.

Молчали оба – Юрий и директор.

– А уроки твои на кого отдам? – заговорил наконец директор. – А пацаны? Они ж за тобой хвостом бегают!..

Не отвечает Юрий. Спокоен. Блеска в глазах уже нет. Одет чисто. Бородка заметно подросла.

И в молчанье его – такое, отчего неубедительным становится директорский голос.

Подписал Павел Сергеич, отодвинул, отвернулся.

¹ – Ты, парень, [украинский] язык понимаешь?– Да.– Ну, так слушай. Казаком теперь нельзя.– Ну, так что? Это когда-то...– Другие времена, да. Повсеместно... Вся карта – один цвет... Потому что не волю ценили, а спасение... или еду. ... Не казак – это такой человек, в котором и пан, и холоп. И кто-то туда, а кто-то сюда. Но... не бывает, чтобы все. Природа против. ... Вот – например – я разговариваю с тобой на украинском языке. ... А они – наполовину так, наполовину сяк. То есть ни так, ни сяк. Неспособны они к определённомu. ... К своим тебе надо, Юрка.– А кто они? И где?– Где-то.

Первые нотки предстоящей осени тихонько прозвенели в кандиевском воздухе.

Раздал Юрий пацанам все почти книги. А Сашке ещё и транзистор «ВЭФ» подарил. Затулихе уют оставил и будильник.

Сел к столу.

«Галка!»

Взял новый лист.

«Галечка!»

Взял новый лист.

Задумался.

В задумчивости рисовать принялся фигурки всякие...

Встал, скомкал листы. И – сжёг.

Не знал, куда пепел деть. Потом отнёс в ведро под ручкой мойником. И заодно руки помыл – от пепла запачкались.

– Перекрестить бы тебя надо на дорожку... – прохрипел Никитич. – Та я давно уже безбожник... – Оскалился хищновато.

Сдал он сильно за последний месяц. Видно было: скоро помрёт, наверное.

Юра стоял перед ним с опущенной головой.

– Не смей в землю смотреть! – вдруг выкрикнул Никитич. – На людей смотри! В небо смотри!.. – ноздри раздулись, затрясся старчески. Ногой топнул. И раскашлялся.

На автобус Юрка опоздал. Следующий – ждать несколько часов.

Перехватил чемодан поудобнее и пошёл пешком.

Навстречу – «жигуль». Мусиюкский.

Вышел Юрий на середину.

«Жигуль» его объезжать не стал. Затормозил в двух метрах. Вынырнул из кабины Карп.

Юрий чемодан поставил, приблизился. И ударил кулаком в ненавистные усики.

Но у Карпа шланг в руке возник. Да и резвей оказался, проворней. С лихвой Юрке ответил, сел за руль, чемодан переехал, и – только пыль за ним.

Лежит побитый Юрка головой в траве. Камешек в щёку впился.

Смахнул его. Встал на ноги. Чемодан поднял. Дальше пошёл.

Скрылось позади за поворотом село Кандиевка с его хатками и доминами, с теплицами, Мусиюками, мальвами, лопухами, ставком и тополями...

Шагает с кривым чемоданом; лицо в ссадинах, губа опухла, рассечена, левый глаз подзаплыл, прищурен – будто делится Юрий.

За другим поворотом скрылся и он.

Пусто на шляхе.

А приятели его, механизаторы, с весёлыми лицами без

ссадин, забивали в этот час всей дружной своей оравой «козла», давая друг другу прикуривать сигареты «Астра», взаимно подшучивая и испытывая от всего этого чувство нормальной человеческой обеспеченности.

Ряд потрясений в гостинице / 1980-е

*Когда человеку хочется есть,
он способен к банальной краже.*

*Когда хочется есть народу,
возможен переворот. Что, в общем-то, тоже обычно.*

*Но если голодны двое – никто не предскажет намерений
и результатов.*

В.Гейзенберг

1.

Таня казалась сонной. Во всяком случае, была она на вид равнодушной, склонной к полноте и неспортивной. Да ещё одета в свитер с длинной юбкой – и, несмотря на её молодость, можно было б пройти мимо, не заметив. Но... что-то как-то цепляло.

Может быть, то, что была она всё же скорее невозмутимой, чем равнодушной, а невозмутимость в женщине – это момент редкого шарма.

А может быть, то, что пила она пустой чай. Ничего на сто-

ле перед нею не было, ни крошки. И от такого питья она почему-то испытывала несомненное – и немалое – удовольствие. Даже глаза прикрывала.

И Саша пил чай тоже безо всего. Он был худ, простодушно губаст и, может, даже лопоух. И озабочен какой-то проблемой. Уставившись в точку, он делал напряжённо-регулярные глотки. Поношенный великоватый пиджак и некоторое общее несовпадение со средой выдавали в нём, пожалуй, студента – или просто молодого бюджетника.

Они сидели в гостиничном буфете – в разных его углах – и отличались от всех остальных сидящих и жующих тем, что не жевали.

На неё поглядывали мужчины. На то, как прикрываются её глаза. Как пошевеливаются ноздри.

Вот она допила, промокнула салфеткой губы – и вышла.

Сразу несколько человек посмотрели ей вслед – из-за столиков и из очереди.

(Пользуясь этим, буфетчица мгновенно подменила брошенную ей полусотню десяткой – и с приветливой улыбкой стала ждать, когда покупатель повернётся.)

И только Саша не смотрел ни на кого. Он уставился в стену. Было ясно, что он глубоко задумался и что он вообще такой – склонный задумываться.

Потом он достал потрёпанный блокнот и, запустив пальцы в волосы, начал что-то записывать, то резко ускоряясь, то останавливаясь.

2.

От окошка «до востребования» тянулся хвост.

Продвигались, впрочем, быстро. И никто ничего не получал.

Подошла очередь Тани. Она раскрыла, выставила паспорт.

Женщина за стеклом пробежала пальцами по ящичку – и отрицательно качнула головой.

Таня сжала губы.

Саша опять пил чай в буфете.

Через столик от него пила чай Таня.

Они видели друг друга – но не проявляли интереса. Мерно поднимая стаканы – то поочередно, то синхронно, – они предавались питью.

Они сидели параллельно (если бы их столики были ближе, они оказались бы словно за одной партией), и когда их движения совпадали, это выглядело то ли комично, то ли ужасно загадочно. А может, и подозрительно.

И все в буфете бросали взгляды – уже на них обоих.

Но они никого не замечали.

Саша сидел в своём номере перед телевизором.

Номер был двухместным. Телевизор негромко работал, а сосед громко храпел.

В телевизоре происходила любовная сцена. Очень откровенная.

Взгляд Саши был очень напряжён.

Но смотрел он не на экран, а на тумбочку соседа – где под светом настольной лампы лежала раскрытая пачка печенья.

Саша смотрел на неё долго. Потом осторожно выбрался из кресла, прокрался к тумбочке – и вытащил одно печенье.

И, постояв, – ещё одно.

В этот момент сосед перестал храпеть и заворочался, и Саша замер в невозможной позе.

Но храп возобновился – с такой неожиданной мощностью, что Саша даже пригнулся. И не разгибаясь, на цыпочках стал красться в ванную. По пути взял с кровати газету.

В ванной закрылся и начал есть – изо всех сил стараясь не торопиться.

Газету при этом держал перед грудью: в неё падали крошки.

Их он потом с газеты слизал.

3.

За крайним столиком в буфете обжирался толстяк.

Вошёл Саша – слегка ударившись о стену.

– Э-э... Здравствуйте! – сказал он буфетчице.

Буфетчица не ответила.

– Чай есть?

Буфетчица не ответила.

– Пожалуйста... чай, – сказал Саша.

Буфетчица дала ему стакан чая.

Саша взял и стал смотреть, куда бы сесть.

Стакан был горячим. Саша не выдержал и сел за столик, соседний с толстяком.

Начал медленно пить.

Толстяк ел с большим чувством. Чавкал, сопел, агрессивно кусал. Иногда у него изо рта вываливалось, и тогда он ладонью подхватывал и заталкивал обратно. В центре столика стоял стакан со сметаной, а перед ним расположились салаты-винегреты, бутерброды, пирожки, сосиски, булочки, пирожные... всё, что может быть в гостиничном буфете.

Время от времени толстяк переставал есть и, сидя в неподвижности, – икал.

Саша встал и пересел на столик дальше.

Вошла Таня.

– Добрый вечер, – сказала она буфетчице.

Буфетчица молчала.

– Пожалуйста, вон ту булочку. И чай. – Порылась в кошельке. – Нет, булочки не надо.

– Чая тоже не надо? – спросила буфетчица.

– Нет-нет, чай – давайте. – Протянула ей деньги.

– У меня нет мелочи, – сказала буфетчица. – Три чая возьмёте?

– Да. Только завтра. И послезавтра.

Буфетчица равнодушно протянула ей стакан.

Саша пересел ещё на столик дальше от толстяка.

Таня села по соседству с толстяком. Начала пить, но тут же встала и пересела туда, где только что был Саша.

Очень скоро опять встала и – дальше столиков не было – подошла к Саше:

– К вам можно?

Саша с трудом отвлёкся от мыслей:

– Да, да... Да...

Таня села напротив. Теперь они пили чай вдвоём – как обычно, неторопливо-мерно поднимая свои стаканы.

– Закончили! – вдруг крикнула буфетчица. – Буфет закрывается!

– Да ты что, мамаша... – с набитым ртом испугался толстяк.

Изо рта вывалилось; подхватил.

– Я тоже хочу поесть, – сказала буфетчица злобно.

Таня и Саша глянули на неё. Потом друг на друга.

– Э-э... Здравствуйте, – сказал Саша.

– Здравствуйте, – несколько удивилась Таня.

Саша объяснил:

– Вы уже пили здесь чай. Вчера.

– Да, – сказала Таня. – И вы.

– Конечно, – теперь удивился Саша. – Иначе откуда б я знал, что вы... пили.

Таня внимательно посмотрела на Сашу... и что-то в ней изменилось.

– В картишки продулись? Или в напёрсток? – спросила она весело.

– Нет! Нет! Что вы! Нет! – Саша почему-то заволновался. – Просто... меня обокрали. А вы?

– А меня просто ограбили.

– О! А кто?

– Грабители, – ответила Таня очень серьёзно.

Толстяк, сопя, укладывал несъеденное в кульки.

– С работы мужу позвонила, вроде всё понял, уже должны деньги прийти...

Сейчас они были похожи на попугачиков в купе.

– Да... – Саша вздохнул. – Хорошо, когда есть супруг...

– Да, бывает неплохо... И негде занять?

– Уже занимал... на работе у них. Но дали немножко. Ни у кого денег нет, зарплату задерживают. Третий месяц. Да я ещё как-то и не могу... просить. Ну... не умею.

– А ты всё равно проси. Проси и требуй! – рядом с ними возникла старушка – в чёрном, шербатая, со шваброй. – Преломи гордыню! – она елозила тряпкой по полу и быстро маневрировала, чуть ли не перебежками. – Просящему дают. А кто не просит – тому не дают. Вот у девки попросишь – даст. А не попросишь – она не даст. Вот так-то. Вот. Так. Вот так. Встать можешь? Расселся!.. – заорала вдруг на толстяка, шваброй зацепила его стул.

Толстяк с трудом поднялся и направился к двери со своими кульками.

Таня проводила его взглядом.

– Закончили! – снова крикнула буфетчица и похлопала в ладоши.

– Идём? – Таня встала. – Собрат по несчастью.

– Меня зовут Саша, – он тоже встал.

– А я – Таня.

Они стояли. Столик их разделял.

И – глянули друга на друга с каким-то радостным доверием. Молоды были оба.

Но Саша тут же нахмурился.

– Что-то вы, Таня... похудели в последнее время.

– А у вас пиджачок что-то... великоват стал, – ответила

Таня сочувственно.

– М-да...

– М-да...

И вышли.

У лифта она сказала:

– Мне вверх.

– А-а... А мне вниз.

Стояли теперь в ожидании. В неожиданной грустновато-задумчивой паузе.

– Вы в командировке? – спросила Таня.

– Да. Послали тут... найти ошибку в программе. А потом наладить. Не могут запускаться. У них есть свои, но уровень не тот. А считается, что тот... Но ничего! Скоро домой.

– Как же вы доберётесь?

– Да билет-то есть, он сразу был... Проблема не в том, чтоб доехать, а в том, чтоб дожить.

– Нет, всё-таки доехать, – сказала Таня.

Саша не понял.

Она объяснила:

– Лифт – опять отключили.

– Вот весь город у них такой!

– Нет-нет, обобщение некорректно. При чём тут город?

Лифт – это частный случай. Всего лишь один из лифтов в одной из гостиниц.

– Этот частный случай – проявление закономерности!

Этот лифт, этот буфет, эта гостиница, этот город...

– Стоп. Не продолжайте.

– Почему?

– Эскалация негативных эмоций при отсутствии возможности их рационализации приводит к автодеструкции организма.

Саша так растерялся, что замолчал. Потом спросил:

– А... а вы кто?

– Я прекрасная незнакомка, – ответила она с полусонным выражением лица. – До свиданья. До встречи в буфете.

Сбегая по лестнице, он чуть замедлился и глянул вверх.

И она – поднимаясь – скосила взгляд вниз.

4.

А потом она опять стояла у окошка «до востребования».

Почтовая работница протянула ей листок извещения.

Она не успела взять. Работница отдернула руку. Всмотрелась в листок, сверилась с паспортом... и сунула обратно в ящик.

В этот вечер народу в буфете было немного. Саша сидел за столиком и поглядывал на дверь. Чай давно остыл, но он к нему не прикасался.

Вошла Таня. Саша обрадовался, привстал, замахал ей – хотя его столик был возле двери.

– Сейчас, – кивнула ему Таня.

Взяла чай, села:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте!.. Вот...

Из глубин пиджака он достал маленькую шоколадку и положил перед Таней.

– У них там... в отделе... был день рождения...

– Поздравляю их, спасибо, – сказала Таня.

Неожиданно ловкими текучими движениями она мгновенно развернула и разломилла шоколадку и одну половину отправила в рот, а другую подвинула к Саше.

– Нет-нет! Нет! Нет! – запротестовал Саша. – Я там... три штуки съел! Я там вообще поел!

Таня молча придвинула к нему шоколадку ещё ближе.

Потом они ждали лифта.

– Ну, как он сегодня? Придёт или нет? – после чая и шоколада Саша чувствовал себя бодро.

– Загадайте желание, – предложила Таня. – Если придёт – значит, всё будет хорошо.

– Нет, не так. Если опять не придёт – тогда это случай уже не частный.

– Частный. Потому что тогда частным случаем становится эта гостиница.

– Но тогда...

Саша не окончил фразы. Мимо них, совсем близко, едва даже не зацепив, провихляла девица – в очень короткой чёрной юбке, с сочным макияжем, в высоких сапогах, розовом шарфе, куцей меховой курточке и с подбитым глазом. Совершенно было ясно, зачем она в гостинице.

Саша вздохнул:

– А вот она – не голодает...

Таня посмотрела ей вслед. Затем на Сашу – пристально.

Он встревожился:

– Что?..

– Саша...

– Что?..

– Хотите – мы поужинаем вместе? Вкусно и сытно?

Её голос был странно ровным.

– Да! Очень!.. Но...

– У вас есть авантюрная жилка?

Он подумал.

– Когда был студентом – была.

– Может, сохранилась?

– Сейчас проверим. – Саша подтянул рукав и, нахмурясь,

стал вглядываться в тыльную сторону ладони. – Да! Вот она.

Вот!

Таня тоже вгляделась.

– Вижу. Отлично!

С внезапным шумом раздвинулись двери лифта.

– Поехали, – скомандовала Таня.

– Куда?..

– Ко мне.

– У вас есть ужин?

– У меня есть идея!

Саша стоял.

– Эй! Смелей! – позвала из лифта.

В городском вечернем небе зажигались фонари.

Гудел гостиничный ресторан. Играла плохая музыка.

Неровно колыхалась в чаду пляшущая толпа. Официантки с неприязненными лицами возникали то тут, то там.

Саша сидел у себя и смотрел телевизор. На экране тоже были пляски – вприсядку, с показным задором. Сосед храпел в постели.

А Таня шла по гостиничному коридору – в блузке с глубоким вырезом и очень ярко покрашенная. Рядом с ней шёл мужчина – в костюме с галстуком, полноватый, средних лет, весь какой-то средний. В обеих руках нёс кульки.

Прошли мимо столика дежурной, свернули за угол.

Мужчина на ходу взял кульки в одну руку – и, воровато оглянувшись, прижал ладонь Тане к ягодице.

Таня резко прибавила шаг – он потерял равновесие, сбился с ноги, назад стал кулёк перекладывать.

Для этого ему пришлось остановиться. Таня тоже остановилась, ожидая.

Саша, видимо, собрался уезжать: на нём была куртка, в руке чемодан.

Выключил телевизор. (Сосед перестал храпеть.)

И снова сел в кресло. Конечно: присесть на дорожку.

Мужчина и Таня вошли в её номер.

– Сюда, пожалуйста, – Таня указала на стол.

Мужчина принялся выкладывать содержимое кульков. Это была еда.

– Сейчас я подруге позвоню, – сказала Таня. – Чтобы она нам не помешала... – Набрала номер. – Саша?.. – Мужчине, быстро: – Её Саша зовут. – Снова в трубку: – Сашенька, я не приду сегодня. Ты – поняла? Я – не приду... Ну всё, пока.

– Позвонила? – спросил мужчина.

– Да.

Он подошёл к зеркалу и причёсался. Продул расчёску, спрятал обратно в нагрудный карман. Снял пиджак, по-хозяйски повесил на плечики.

Таня занималась столом.

Он начал развязывать галстук.

– Ну-ну-ну, – укорила Таня. – Ужинать с дамой – без галстука?..

Он опустил руки и улыбнулся. Все зубы были золотыми.

Сели к столу: Таня в кресло, он на стул. Усаживался долго, обстоятельно.

Усевшись – захихикал.

– Да? – Таня приподняла брови.

– А тебя как зовут? – продолжая хихикать, положил ладонь на её колено.

Таня убрала её. И – игриво:

– А вы попробуйте угадать.

– М-нэ... Э-э... М-м... – Он напрягся, подумал. – Ира!

– Нет.

– М-м... Сейчас... Нина!

– Ну, что вы.

– М-м... М-м... А! Как же я сразу... Наташа!

– И не Наташа.

Мужчина задумался глубоко. И всё равно не придумал.

– Ну ладно, скажи сама.

– Обязательно скажу, но чуть попозже. Если успею.

Мужчина вдруг развеселился:

– Да можешь не говорить! Какая разница!..

С резким стуком распахнулась дверь, и на пороге вырос Саша – в куртке и с чемоданом, брови нахмурены, челюсть вперёд!..

– Ой! – воскликнула Таня в ужасе. – Муж приехал! Это мой муж!.. Это муж приехал!.. Боже мой! Что же делать? Муж! Боже мой! Муж!.. – Перевела дыхание. – Боже мой!..

– Так вот как ты едешь в командировки!.. – поразился Саша.

Таня заломила руки:

– Прости! Я тебе сейчас всё объясню!..

– Не надо объяснений!.. – взвизгнул Саша. – Я сам всё вижу!.. – Он бросил чемодан и подпрыгнул. – А это кто? – ткнул пальцем в онемевшего мужчину. – Кто это, я спрашиваю?..

Мужчина не шевелился.

– Это... Это...

– Кто-о?.. – ревел Саша. – Я спрашиваю: кто-о?..

Грудь его вздымалась и опускалась.

– Это... Это...

– Кто-о?..

– Это...

– Кто-о?..

– Это...

– Кто-а-а?.. эта-а-а?.. – Саша ревел уже утробно.

Рот его страшно оскалился, глаза выпучились, пальцы скрючились, тело начало дёргаться.

– Иссс... вините... те... – подал голос, наконец, и гость.

Вскочил и в странном полупоклоне пересёк комнату, рванул из шкафа пиджак, выпала расчёска, но поднимать не стал; обернулся – тоже с выпученными глазами.

– Иссс...вините... – и бросился вон.

Саша схватил расчёску, швырнул ему вслед. Захлопнул дверь. И запер.

И вскинул руки:

– А-а-а!..

Они ели.

Нет, – пировали!.. Стол превратился в поле битвы. Нетронутой осталась лишь бутылка водки.

– Так много сразу не ешьте, – спохватилась Таня. – А то плохо будет.

Саша отмахнулся:

– Плохо уже было... А теперь хорошо.

– А водку вы не пьёте?

– Водку – пью. Но сейчас не хочу.

Через несколько минут Таня откинулась на спинку стула:

– О-ох...

Ещё через минуту Саша откинулся на спинку стула:

– О-о-о-ох...

– Какие мы молодцы, – сказала Таня с удовольствием.

– Это вы молодец, – расслабленно возразил он. – Ваша была идея...

– В вашем исполнении. Вы, оказывается... артистичны.

– Да какая там артистичность... Я вообще всё забыл. Где я и что я... Я вдруг такую злость почувствовал... не знаю, почему.

– Да... Я даже испугалась. Вы так кричали...

– Это я от страха.

– От страха?..

– Я боялся, что он не уйдёт.

Таня засмеялась:

– А я боялась, что он не придёт...

– Да! Кстати! Как вам удалось? заманить?.. Хоть мы всё рассчитали...

– Вот как мы рассчитали, так и заманили. Оделась. Накрасилась. Вышла. Знаете, немного странное ощущение... Как будто смотришь на себя со стороны. Глазами внешнего наблюдателя.

– Любопытно... И что увидел внешний наблюдатель?

– Юбка не такая. Длинновата. Вот на этом был акцент. Но ничего. Чуть постояла – «Девушка...» – «Да. Да, да, да». – «А вы...» – «Я же сказала: да!»

– Но мужик какой-то чудной... Как из прошлых времён.

– И из прошлых, и из сегодняшних. Это реликтовое излучение. Нашей российской глубинки. Там большой ещё за-

пас... многого...

– Откуда вы знаете? Вы кто?

– Вы уже спрашивали. И я уже ответила.

Саша подумал.

– Ага. Вы предлагаете *такую* систему. Хорошо. А я тогда в этой системе – кто?

– Это ваш вопрос. Но не мой. Я не спрашиваю, кто вы.

– Что-то я запутался... – признался Саша.

– Это я вас запутала. Вернёмся к теме.

– А о чём мы говорили?

– О том, какие мы молодцы.

– Да!

– Мне начало ваше понравилось. Такое... настоящее. Классическое. «Так вот как ты ездешь в командировки!..»

– «Я тебе сейчас всё объясню!..»

Они стали смеяться. От обильной еды оба слегка захмелели.

– У вас сразу всё так... энергично было. И мне передалось.

Саша покивал – и замолчал. Потом поднял голову:

– Хотя всё-таки, наверное, как-то... немножко чуть-чуть слишком.

– Да. Я как раз хотела сказать... Возможно, надо было... помягче.

– Естественней. Проще.

– Да. Естественней. Нам повезло. Чуткий клиент – мог бы почувствовать... перебор.

– Но с другой стороны – он ведь не знает... степень моей ревности... агрессивности... крутизну кривой выброса адреналина...

Таня подумала.

– Возможно, вы правы. Да. Вот мой муж, например, в таких ситуациях – он сразу...

И запнулась.

Но Саша запинки не заметил:

– Так вот он я и есть!

– А знаете, что... – сказала Таня, помедлив. – Во мне просыпается совесть.

– Зачем?.. – искренне спросил Саша.

– Человек накупил, принёс... И должен всё бросить и уйти.

– Ну... что ж тут поделаешь. Обстоятельства.

– Но эти обстоятельства – создали мы. По существу, мы его ограбили. Мы его обманули.

– За этот обман, – сказал Саша убеждённо, – он нам всю жизнь благодарен будет!

– Правда? Вы действительно так считаете?

– Простой математический анализ. Клиент собирался истратить много денег. – Саша сделал жест в сторону Тани. – Мы его остановили. Он их – не истратил. То есть мы с вами сделали вклад в его бюджет. По-хорошему, он бы нам должен ещё проценты... Это во-первых. И при этом он – во-вторых – не изменил жене. Ему не придётся лгать близким. Это

вообще не оценимо! А если к тому же он верующий? Грех прелюбодеяния! которого мы не допустили!.. Мы спасли его душу! Вот что мы с вами!.. сделали!.. с ним!.. Это было в третьих или в четвёртых?

– В-третьих, – сказала Таня. – Или в-четвёртых.

Он замолк. И она больше ничего не говорила.

Дело было сделано. План удался. Они получили ужин. И съели.

Непонятная пауза затягивалась.

От неловкого движения Тани со стола упала ложка.

Ещё секунду неподвижно посидев, Таня спохватилась, наклонилась за ней; и Саша поспешно наклонился; Таня наклонилась ещё, но Саша уже вынырнул.

Положил ложку перед Таней.

Таня выпрямилась. Поправила волосы.

И опять потянулась пауза.

Таня переложила ложку. И опять поправила волосы.

Саша посмотрел на часы:

– Ого.

– Что? – спросила Таня.

– Да вот... – и смолк.

– Да собственно... – начала она и тоже смолкла.

Посидели ещё.

– Ну, я пошёл, – Саша встал. – Спасибо...

– Вам спасибо, – откликнулась Таня.

Саша взял плащ. Остановился.

– Ну... Что теперь дальше?

Таня не отвечала. Потом сказала:

– Саша...

– Что?

Таня молчала. Саша прокашлялся.

– Я думаю – может, имеет смысл... ещё раз?

– Что? – спросила Таня.

– Ну, вот так... – Саша показал на стол. – В смысле – ещё раз.

– А, ну да. Конечно! Вы так здорово всё объяснили, так облегчили мою совесть... Теперь я спокойно могу принимать по пять клиентов за вечер... Я вам позвоню.

– Ну... да. Если денег – не получите...

Таня, кажется, обиделась.

– Ну, зачем же вы так... Если я получу, я позвоню ещё громче!

– Да. Извините, – сообразил Саша. – Это я... ляпнул.

– Да. Лягнули. Но ничего.

Он потоптался.

– Ну... спокойной ночи.

– И вам спокойной, – ответила Таня. – Спокойной-пре-спокойной.

С чемоданом в руке и курткой под мышкой он спускался по лестнице. Не спеша.

Вошёл в свой номер.

Телевизор работал, сосед храпел.

Привалившись спиной к стене, он начал стаскивать туфли – ногой об ногу. Он не мог наклоняться. Он был сыт.

5.

Почтовая работница за окошком возвратила Тане паспорт.

– Ещё раз – проверьте, – попросила Таня.

– Я не слепая! – отрезала.

Таня продолжала стоять.

– Девушка, не задерживайте... Девушка!.. – начали её подталкивать.

Стоявший за ней сухонький старичок в очках оскалил вставные зубы и локтем ударил её в поясницу.

Таня отошла. Остановилась. И пошла к выходу.

Под храп соседа и колыбельную в телевизоре Саша собирался на дело.

Куртка была с поясом – он завязал его, затянул потуже (восточными единоборствами повеяло), оставив куртку растёгнутой: так он выглядел шире, внушительней.

Взял чемодан, примерил в руке поудобней.

И сел в кресло и стал ждать.

Затархтел телефон.

Он схватил трубку.

– Алло... Саша?

– Да! Да! – закричал он. – Да!
– Сашенька, я не приду. Ты... поняла?
– Поняла! – обрадовался Саша.
– Целую тебя.
Саша немного растерялся.
– И я... тебя... целую...

Расправив грудь, отставив локоть, бескомпромиссной походкой самурая он шагал к номеру Тани.

Пересёк холл, прошёл мимо дежурной, свернул в другой коридор.

Дежурная – немолодая женщина с характерным лицом – проводила его взглядом.

Ворвался!..

Таня подняла голову. И сказала в пространство:

– Муж приехал. Это мой муж.

Саша посмотрел на клиента №2. Потом на стол.

Клиент №2 был тощ, измождён и старше Тани на тридцать пять лет. Он смотрел на Сашу и растерянно моргал.

На столе были кефир и две булочки.

– Так вот как ты едешь в командировки, – сказал Саша Тане с недоумением.

– У него диета, – безрадостно объяснила Таня.

Саша расстроился. Кинул чемодан в сторону.

Клиент вскочил – готовый к худшему.

– Жлоб, – сказал ему Саша в сердцах. – Эгоист.

Клиент молчал, пытаясь сориентироваться.

Таня устало отвернулась.

Саша развязал пояс и сел. И тут же встал.

– Вы поняли? – спросила Таня. – Это мой муж.

– Я, знаете, тут это... совершенно случайно! – заговорил клиент сильным голосом. – Да. Абсолютно!.. Мы в школе вместе учились. Да. В параллельных классах. Вот так вот её вот класс... а вот так вот мой.

Саша смотрел в пол и не перебивал. Клиент осмелел.

– Вообще-то мы – да; когда-то, конечно, да, но – нет! Ничего. Никогда. На переменках, бывало, виделись... так... и всё. – Повернулся к Тане. – А вот я помню, один раз, ты помнишь?.. – Прыснул. – Ну, помнишь, ну?.. Помнишь?.. – Повернулся к Саше. – Забыла. – Снова к Тане: – Я у тебя арифметику списал. И этот... закон Архимеда. – Саше: – А чистописание – это она у меня всегда списывала. Ну, там ещё синус... ке... кесинус... Да. И вот я иду... Ля-а!.. – Изобразил крайнее удивление. – «Ты?» Какая встреча!.. «Ты?» – «Я. А это ты?» – «Я!» Ну, дела!.. Ну, и вот; ну, зашли, так сказать, взяли по такому случаю... – широко махнул рукой в сторону кефира.

– Хорошо, хорошо, – с раздражением сказал Саша. – Достаточно. Идите.

Клиент смотрел на него с сомнением.

– Всего доброго, – вежливо сказала Таня. – Поправляй-

тесь.

Клиент не уходил.

– Ну? В чём дело? – спросил Саша грубым голосом.

– Кефирчик... можно, возьму?

– Нет!.. – в один голос крикнули Саша и Таня.

Клиент заковылял к двери. С порога обернулся, прохрипел:

– Ну, вы даёте... Чао.

Саша сидел, по-прежнему глядя в пол.

Таня виновато молчала.

– Ч-чёрт!.. – Саша встрепенулся. – Что ж я его отпустил?..

Таня не понимала.

– Надо было – займы... хоть немножко... Он бы не отказал.

– Нет, – Таня покачала головой. – Отказал бы.

– Почему?

– Он – безработный. Пенсионер.

Саша не понял.

– Пенсионер – или безработный?

– И то и это. Пенсионер, который не может устроиться на работу. Тут и за кефир спасибо скажешь.

Но Саша был голоден и раздосадован.

– А вы не видели, кого к себе ведёте?.. Зачем нам безработные пенсионеры?..

– Ну, я – попросила... чего-нибудь взять... Он сразу согласился... всё пообещал... А потом уже поздно было.

– Подлец, – сказал Саша после небольшой паузы.

– Ну почему, – возразила Таня. – Нормально. Мужчины обманул женщину... Есть что-то в этом что-то вечное... Фундаментальное...

– Вы что, его оправдываете? – возмутился Саша.

Таня помедлила.

– Вы знаете, я, в общем, догадывалась... Но мне его жалко стало. Он ведь тоже... хочет любви. А для него это проблема. Пенсионеры – они ведь... никому не нужны.

Саша задумался. Ему тоже стало жаль этого худого, хрипящего, ковыляющего.

– Но мы так не прокормимся... – И спохватился: – Пойдите... Какая любовь?.. Вы что?.. намеревались... действительно... собирались...

Он был потрясён.

– Я забыла... в какой-то момент. – Таня искренне оправдывалась. – В роль вошла... – Поспешно добавила: – Но потом я вышла.

– Надо быть... академичнее, – с неудовольствием заметил Саша.

– Вы правы. Да. Конечно. Больше не повторится, я обещаю.

– Наш девиз – беспощадность!

– Конечно.

– Ничего личного!

– Разумеется.

– Каким должен быть наш клиент? Здоровым. Богатым. А главное – с хорошим аппетитом. Ни диетчик, ни диабетчик!.. Не пенсионер. Не инвалид. Чтоб... без жалости!

Таня теребила кончики волос – как школьница.

– Я постараюсь...

– Да. Пожалуйста. Это жизненно необходимо.

Вдруг Таня оживилась:

– Ой, а давайте, я ещё раз схожу!

Саша помедлил.

– Вы полагаете – целесообразно?

– Да. Я полагаю – да.

– Нет. Поздно. Тут, кроме вас... есть нормальные девушки. И они уже всех разобрали.

– Ну, может, кто-то ещё остался...

– Вряд ли. Вероятность близка к нулю.

– А должна быть вторая волна. После ресторана – возвращаются в номера...

– Вторая волна... это произвольное допущение. Но дело даже не в этом. Тот, кто возвращается в номер – он не пойдёт никуда за продуктами. Он уже сыт, он пьян, он только что поужинал... это надо учитывать.

– Саша... У вас прекрасное аналитическое мышление. Вы случайно не следователь?

– Я?.. Как вам такое могло в голову прийти? Какое может быть мышление – у следователя?

Таня с трудом сдержала улыбку.

– Извините.

– Ничего, пожалуйста. Да. Так вот...

– А кто вы? – перебила Таня.

Саша секунду подумал.

– Прекрасный незнакомец!

– Вы перепутали, – весело возразила Таня. – Это незнакомка прекрасная. А незнакомец – таинственный.

– Хорошо. Таинственный. Не перебивайте меня. Выходить вам опять – сейчас – неоптимально. Сейчас надо продумать завтрашнего клиента.

– Ну собственно, мы уже продумали...

Саша вскрыл упаковку кефира.

– Здоровый, понимаете? Здоровый! Его функция – быть здоровым. Хотя это не функция, это аргумент. Функция – у нас.

– А какая у нас функция?

– Наша функция – быть безжалостными. И чем он будет здоровее – тем больше у нас будет морального права... на безжалостность!

6.

Бесспорно, клиент №3 был здоров. Очень здоров. Под два метра.

И шампанское он открыл – просто вытащил пробку. Не раскручивал.

Разлил в стаканы. Чокнулся с Таней.

Распахнулась дверь, ворвался Саша – в плаще, с чемоданом.

– Ой! – вскрикнула Таня. – Муж приехал! Это мой муж! Как неожиданно!..

Клиент №3 невозмутимо опорожнял стакан.

– Так вот как ты едешь в командировки... Та-ак... – зловеще сказал Саша.

Он поставил чемодан, распрямился, начал развязывать куртку. Таня заломила руки:

– Я тебе сейчас все объясню!..

– Не надо ничего объяснять!.. – с театральным пафосом воскликнул Саша.

– Ты прав, – пророкотал клиент.

Он стоял во весь рост. Саша рядом – казался подростком.

Клиент склонился над ним, похлопал по плечу:

– Бывает.

Саша растерянно молчал.

Клиент повернулся, взял бутылку за горлышко и стал пить. Выпил. Бросил бутылку на кровать. Потом взял свою огромную сумку и сгрёб в неё всё, что было на столе.

Застегнул.

– Всех благ. – И вперевалку вышел.

Саша опустил в кресло.

Глянул на Таню – постучал пальцем по лбу.

– Я сейчас тебе всё объясню... – заторопилась она.

– Не надо.

Она отвернулась.

– Ладно, – сказал Саша. – Что будем делать?

Она не отвечала.

– Таня...

Она не отвечала.

– Ну... Извините, – сказал Саша искренне.

Таня повернулась к нему. Смахнула что-то со щеки. Да, – слезу.

– Ничего. Мэа кульпа.

– Что?

– «Моя вина». По-латыни.

Помолчали.

– А юбку вы... я вижу – не укоротили?

– Нет. Вы знаете, не требуется. И так идут.

Раздался лёгкий, но отчётливый стук в дверь.

– Кто это? – вскинул голову Саша.

– Да-да! – громко сказала Таня.

Но никто не входил.

Таня быстро пошла к двери. Открыла, выглянула. Закрыла.

– Никого...

Она откровенно встревожилась – и Саша стал её успокаивать:

– Предлагаю версию. Он перепутал номер. Постучал – и увидел, что перепутал. Если его нет в коридоре – значит, он и этаж перепутал. И побежал к лифту.

– Да... по-видимому, так... Только это была она, а не он.

– Откуда вы знаете?

– Стук был не мужской.

– Вы можете определить пол по стуку? – удивился Саша.

– Вы женский почерк отличаете от мужского?

– Но стук – это не почерк.

– Стук, почерк, походка... дыхание... Саша! Женщины мир ощущают активнее, чем мужчины. Острее, полнее...

– Ну, не знаю. Была у меня одна подруга... В смысле, девушка...

– Да.

– Она не ощущала мир активно.

– А как вы это поняли?

– Случайно. Я ей – цветы, а она – совершенно не видит! что три листика – по стеблю – по спирали – друг от друга – один, запятая, шестьсот восемнадцать тысячных! В соотношении!.. Это ряд Фибоначчи!.. Причём абсолютно точно!..

И Саша почему-то замолчал.

– Ну, и?.. – подстегнула Таня.

– Что?

– С девушкой этой... у вас как?

– Давно уже никак, – Саша махнул рукой. – А вы говорите: острее... полнее...

– А другие девушки – тоже не ощущали? вашего Фибоначчи?

– Ну... по-разному, – неохотно ответил Саша. – Вы пони-

маете, девушки – это время. Они все хотят времени.

– Хорошо, что вы это понимаете.

– Да что ж тут непонятного... А у меня его нет! И когда они об этом узнают...

– А чем же вы так заняты?

– Не знаю, как вам объяснить... В общем, есть одна задача.

– Всего одна?

Но Сашу уже утомили её расспросы.

– Давайте в другой раз, ладно?

– Конечно, конечно, – сразу же согласилась Таня.

Помолчали.

– Есть хочу, как собака, – признался Саша.

– Я тоже.

– День такой трудный был...

– И у меня. – Таня пошла в ванную.

– Я им тут объясняю, что нужно делать, а они не только не делают, но даже не понимают! что нужно сделать. Но не уточняют. И вот этого – я не могу понять!

– А у меня Красноокрянский, – ответила Таня из ванной, – это тут первый зам... должен заключение подписать, а он не подписывает.

Начала перед зеркалом снимать с себя раскраску.

Саша сел поудобней и вытянул ноги.

Переспросил:

– Как его фамилия?

– Красноикрянский, – ответила Таня из ванной.

Она была без блузки, тёрла ваткой лицо, смотрела на себя в зеркало и при этом разговаривала с Сашей... и разговор их звучал как-то привычно-семейно.

– А что же ваш муж? денег не шлёт?

– Возможно, он выслал. Но я не могу получить.

Саша удивился.

– Почему?..

– Не знаю. Хожу на почтаamt каждый день...

– А я ходил – ну, поначалу... что-нибудь разгрузить. И не разгрузил.

– Почему?

– Конкуренция. Берут только знакомых.

Таня вышла из ванной – естественная и похорошевшая:

– А не сходить ли теперь нам вместе – и выпить чаю?

– Чаю!.. Да!.. Хорошо бы... – Саша даже привстал.

Таня открыла холодильник и достала пачку печенья:

– Ловите!

Саша поймал и зажал в руках, не веря:

– О!.. Это откуда?..

– Из холодильника. Память о первом клиенте.

– Как вы сохранили?..

– Женская сентиментальность.

– Сен-ти-мен-тальность!.. – голодный Саша наслаждался этим словом. – Какое прекрасное свойство...

– Да, – подтвердила Таня. – Раздевайтесь.

Саша замер.

– Куртку – снимите. Мы ведь вернёмся.

– А... ну, да...

Саша снял куртку и пошёл к двери.

– Стойте!

Он остановился.

– Отвернитесь.

– Зачем? – спросил Саша глуповато.

– Я переоденусь.

– А... ну, да...

– И не поворачивайтесь.

Саша отвернулся и стал напряжённо смотреть перед собой. Казалось, что он вслушивался в шорохи одежды.

– Всё. Можем идти, – сказала Таня.

Саша не реагировал.

– Саша!

Он вздрогнул:

– А?..

Таня стояла перед ним – в пуловере, с сумочкой, – готовая выходить.

– Подождите... Я тут сейчас подумал... Нам надо разработать выигрышную стратегию.

– Вот и давайте – за чаем...

– Нельзя! Нет! Это – нельзя, чтобы слышали!

– А мы будем шёпотом, – Таня смотрела на Сашу своим невозмутимым взглядом.

– Я должен вам сказать... я не умею шёпотом. Почему-то.

Вот знаете, как бывает, вот, шепчутся...

– Да уж конечно, знаю.

– Ну, вот. А я не могу. Сколько раз пробовал – не выходит.

И свистеть не могу.

– А вы случайно не левша?

– Левша. А как вы догадались?

– Не знаю. Просто подумала.

– А что, есть связь? Неумение шептаться – и левша?

– Нет, связи нету. Во всяком случае, она мне не известна.

– Но тогда – как же вы догадались?

– Но я же только что объяснила. Понимаете – вы какой-то особенный... Я и подумала: может, вы ещё и левша?

Они шли в буфет и громко разговаривали на ходу.

– ...В чем наш принцип? – горячо толковал Саша. – В адекватной интерпретации!..

– Верно. Верно, – соглашалась Таня.

– Отсюда – какой вывод?

– Какой?

– Не падать на первого! Ясно?

Таня чуть помедлила.

– Всё-таки поясните.

– С их стороны – предложение, с нашей – спрос. То есть мы – выбираем...

– Разве? – не поверила Таня. – Ведь это я себя предлагаю.

А они – смотря, подходят... Формально говоря, совершают покупку. Выбирают – они.

– Нет! Это заблуждение!.. как Солнце вокруг Земли! Они вас выбирать не могут, вы одна! Это мы их выбираем! И мы не просто выбираем, мы обязаны делать выбор! Это я вам говорю как математик.

– Вы математик?..

– Да. А вы думали – кто?

– Я думала, вы философ, – сказала Таня очень серьёзно. Саша даже остановился.

– Я?..

На них пристально смотрела дежурная по этажу – они оказались рядом с её столом, – пожилая и очень на вид неприятная. И смотрела – как-то нехорошо.

За столиком Саша вернулся к теме:

– Вы меня... поразили. Неужели я похож на философа?

– Если честно – я пошутила, – созналась Таня.

– Надеюсь. Философы – они же... как дети!

– Да?.. Почему? – Таня опустила стакан.

– Они живут в плену собственных выдумок. Придумают что-то – и верят. Но поскольку физически они взрослые, то они и других заставляют верить! Чем наносят громадный урон мировой цивилизации.

– А мне казалось... – начала Таня.

Но Саша продолжал:

– Они убеждены – и всех нас убеждают, – что они объясняют мир. Ха-ха-ха. Сколько школ этих... философских... течений всяких... Столько и объяснений. Взаимоисключающих! Несовместимых! И самое главное что? – принципиально недоказуемых! На протяжении тысяч лет! И это называется наукой?..

– Видите ли...

– Нет! Математика!.. только она! отражает реальность!.. Без субъективности! без конъюнктурности! Она... её не купишь! И не заставишь! Она правдива, как сама жизнь! Она и есть жизнь!.. И только на неё и можно положиться. Больше просто не на что. Только она и есть наука. А всё остальное – так, политика...

Таня свой чай уже выпила; он про свой позабыл. Он был во власти движения своей мысли.

– Вчера правда одна, а сегодня уже другая. А тогда – она – где? А? Где правда? Тут или там? Сегодня или вчера? Или, может, она появится только завтра? А может, послезавтра?.. – Сашин голос набирал силу. – И мы всю жизнь проживём в неправде?.. Где же выход? Возможен ли он? Ответьте!

Таня не отвечала.

– Отвечу вам я: да! Существует истина!.. Её нельзя изменить! У правды есть срок жизни, а истина – вечна! Но что есть истина?..

Таня смотрела на него не отрываясь.

И не только Таня.

Буфетчица, считающая выручку, застыла – с пачками денег в обеих руках, – смотрела на Сашу.

Уборщица в чёрном – перестала тереть пол – смотрела на Сашу.

Полукольцом стояли, оставив свою еду – все, кто сейчас был в буфете, – смотрели на Сашу.

А Саша смотрел на Таню. И отвечал на самый главный вопрос:

– А истина – это математика!

Взмахнул рукой, опрокинул стакан. Успел его подхватить. Но чай – вылился.

Оба стакана были пусты.

Потом они снова сидели в её номере, и теперь пил только Саша – но не чай, а просто тёплую воду. И продолжался разговор.

– ...Вот сейчас я давно уже занят одной проблемой, – Саша отставил стакан и потёр у себя за ухом. – Математическое описание поведения одиннадцатимерного объекта в двадцатидевятимерном пространстве.

– А есть такие?

– Что?

– Объекты.

– Конечно! Сколько угодно. Только м их не видим. И если это сделаю... это фурор. Мировой!.. В общем... это моя главная задача.

– А неглавные задачи у вас какие?

– Неглавные задачи – это не математика.

– Ах, вот как.

– Да. Но...

– Что?

– Не хватает озарения. Знаете, ну... Вспышка!.. Которая всё освещает.

– Знаю, – сказала Таня.

– Как правило, она вызывается каким-то потрясением.

– То есть надо, чтобы вас – что-то потрясло? – уточнила Таня.

Саша был серьёзен.

– Совершенно верно. И тогда я смогу потрясти остальных. Но надо, чтобы сильно потрясло. Потому что... ну, сами представьте: увидеть одиннадцатимерный объект... в полном его объёме... но не из нашего пространства, это невозможно, – а из двадцатидевятимерного...

Таня слушала его, подперев щеку ладонью. Настольная лампа освещала комнату мягко и не полностью...

Но Саша вдруг встал и начал надевать куртку.

– Значит, завтра: во-первых, объект... э-э... клиент... должен быть впечатлительный. Нервный.

– Да, я это уже поняла.

– Размеры клиента должны быть сравнимы с моими. Причём сравнение должно быть в мою пользу.

– Я постараюсь, – искренне пообещала Таня.

– Далее. В-третьих. Или во-вторых?..

Таня помедлила.

– Во-вторых.

– Или в-третьих?.. – Саша силился вспомнить. – Ну, неважно.

– Да, – согласилась Таня.

7.

Стол в номере Тани был завален множеством разных кулёчков – и в каждом из них была пища. Таня сосредоточенно ела, а сбоку сидел клиент №4 – плюгавенький мужчинка, морщинистый, принаряженный, с платочком в нагрудном кармане. Он неподвижно глядел в пространство. В нём уже чувствовалась жертва, обречённость на заклятие.

Это длилось довольно долго.

Дверь будто взорвалась! и появился Саша.

– Муж, – указала ложечкой на него Таня, не прерывая трапезы. – Это мой муж. Неожиданно приехал.

Клиент смотрел на Сашу круглыми глазами. Начала трястись нижняя челюсть.

Увидев хороший стол, Саша сразу воспрянул.

– Так вот как ты ездешь в командиррровки!.. – зарычал и трахнул чемодан об пол. Чемодан раскрылся. Он был пуст. Саша поспешно заслонил его собой. – Так вот как ты-и!.. – сжал кулаки, перекошил лицо. – Как ты ездешь в командиррровки-и!..

Таня жестами показывала Саше, что вот сейчас дождёт – и ответит.

Клиент вдруг бросился к окну. С безумными глазами рвал неподдающуюся раму.

Саша – за ним, обхватил сзади:

– Вы с ума сошли!.. Восьмой этаж!..

Клиент молча вырывался.

Вдруг обмяк. Саша едва удержал его на ногах.

Таня бросилась Саше на помощь. Вдвоём уложили клиента на кровать.

Глаза его были закрыты.

– Ну, и клиентура у вас... – Саша не знал, что теперь делать.

– То, что заказывали, – хладнокровно парировала Таня.

Плюгавенький мужчинка лежал без движения и без сознания.

Саша пощупал ему пульс – и развёл руками.

Потом рывком раздвинул на нём пиджак, приложил ухо к груди.

Медленно распрямился...

Таня лила в стакан минералку. Вода в тишине булькала драматично. И проливалась.

Из стакана Таня вылила на клиента.

Клиент посмотрел на Сашу ясным, осмысленным взглядом.

– Не бейте её, – сказал фальцетом.

Саша молчал, приходя в себя. Затем насупил брови.

– Я её задушу. И вас тоже.

– Нет! Нет! Ни в коем случае!..

– Ладно. Вам я оставлю жизнь.

– И ей! И ей!

– Хорошо, я обдумую. А вы... Встаньте и идите!

– Ей тоже оставьте! Она ни при чём!.. – Клиент приподнялся на локте. – Это я... я её понудил! Я прельстил её... Я давно следил за ней... Она не знала... Она ничего не знала!.. И вот сегодня... Я решил, что это будет сегодня...

Клиент достал платочек и смахнул с себя воду.

– Молодой человек! Вы обладаете сокровищем, которого не цените!.. Эта линия запястья... Эта мочка уха!.. И вот здесь, вот здесь...

Он задрал ногу к Сашину лицу и костяшками пальцев принялся стучать по лодыжке.

Саша отодвинулся.

– Вам пора уходить.

Но Клиент поудобней уселся в кровати и подложил под спину подушку.

– О-о... Я как бы невзначай пересёк ей дорогу у входа в гостиницу... Она не подозревала... Я опытен... Я очень опытен... Она была обречена... – Клиент всё более воодушевлялся. – Нет женщины, которая смогла бы устоять передо мной! Мой опыт побеждает любую молодость!.. Я её спросил: «Который час?»...

Саша, наконец, разозлился.

– Вы не возражаете, если я вас вынесу отсюда?

– Если позволите, я сам. – Клиент проворно соскочил с кровати. Одёрнул пиджак. Приложил руки к груди:

– Умоляю: не бейте её!

Дверь за собой тщательно прикрыл.

Таня опять налила в стакан минералки – и выпила. Опустилась в кресло. Потёрла виски.

Саша стащил с себя куртку и тоже сел:

– Можно, я теперь поем?

– Приятного аппетита, – кивнула Таня.

Некоторое время она наблюдала, как Саша ест. Потом подвинула ему одну из тарелок:

– Вот это попробуйте.

– А что это?

– Мидии.

– О-о... Когда бы ещё пришлось... Кстати – как там ваш Красноикрянский?

– Не подписывает.

– Почему?..

Таня разрежала апельсин.

– Говорят, он чего-то хочет.

Саша подумал.

– Видимо, да.

– Я сегодня заходила на почту...

Саша перестал есть.

– Санитарный день.

– Значит, завтра будет работать, – убеждённо сказал Саша. – Двух санитарных дней подряд не бывает. Теория вероятностей такие случаи старается даже не рассматривать.

Раздался замысловатый стук в дверь.

Таня и Саша переглянулись.

Стук повторился.

– Это стук мужской или женский? – спросил Саша.

– Мужской. На этот раз мужской... Но какой-то патологичный.

– Да, верно... – согласился Саша не без тревоги.

В третий раз стук был замысловат чрезвычайно.

– Ну, давайте узнаем, – решился Саша.

– Придётся. – И Таня крикнула: – Да-да, пожалуйста!

Вошёл клиент №4.

– Прошу прощения, – сказал он, умильно улыбаясь. –

Приятного аппетита.

– Спасибо, – сказала Таня.

Саша кивнул.

– Вы меня простите... Так приятно видеть, что вы – как цивилизованные люди...

Таня хотела ему что-то ответить, и он предупредительно замолк, – но она не ответила.

Саша, напряжённо-исподлобья глядя на клиента, молча жевал. Ему попался ужасный кусок, никак не прожёвываемый, и в конце концов Саша переместил его за щеку и смог

спросить:

– Что вам угодно?

– Ради бога, простите... Я бы хотел... в последний раз!.. на вас посмотреть!.. Можно? – он адресовал Тане жалобную гримаску. – Можно?.. – адресовал гримаску Саше.

– Как долго вы намерены смотреть? – недружелюбно спросил Саша.

– Вечность! Вечность!..

Таня и Саша переглянулись. Таня пожала плечами.

– Ну... смотрите, – разрешил Саша.

Клиент уставился на Таню.

Текли секунды. Тане сделалось неловко.

– Может быть, поужинаете с нами?

Клиент замахал руками:

– М!.. М!..

И опять застыл, глядя на Таню.

– Послушайте... – не выдержал Саша.

– Ангел... – прошептал клиент в тихом восторге, не отрывая от Тани глаз. – А сделайте вот так... – Он растопырил пальцы и причудливо изогнул кисть.

– А вот так сделать не надо? – грозно спросил Саша и показал клиенту кулак.

Клиент расстроился.

– Как вы жестоки... Вы! – в голосе зазвучал истерический подъём. – Оценить не способны! То! чем владеете!.. Грубый спортсмен!..

Саша встал.

Клиент с уже знакомой проворностью выскочил из комнаты.

Саша запер за ним дверь.

– А мне его жалко... – сказала Таня. И поспешно уточнила: – Академически жалко.

– Но почему «спортсмен»?.. – Саша снова сел за стол.

Таня оценивающе на него посмотрела.

– Не знаю.

Саша сидел, запустив пальцы в волосы.

– Весь аппетит пропал... Э! Э!.. – встревожился, увидев, что Таня пытается повторить движение кисти клиента.

Таня опустила руку.

– Вы ешьте, ешьте.

– Я ем, ем... – ответил Саша рассеянно.

Но он не ел. Вдруг торопливо полез во внутренний карман пиджака.

– Чёрт!..

– Что такое?

– Блокнот... не взял... Тут... надо записать... Кое-что пришло... Где мой чемодан?

– Вот он, а что?

– И куртка!

– И куртка.

Саша встал, надел куртку.

– А где чемодан?

– Да вот же!

– Спасибо.

– А ужин?

– Ужин?.. Да... Нет... Записать. А то уйдёт...

Он шагнул к двери.

– Саша!

– Что?

– Подождите, я вам с собой дам.

Таня быстро набрала со стола кулёк – и вложила его Саше в руку. Показалось: жена провожает мужа в дорогу... Теперь они должны поцеловаться...

Но – приняв кулёк, Саша повернулся и дёрнул дверь.

Она не поддалась.

– Вы её заперли, – напомнила Таня.

– Я?.. Извините...

Она отперла ему дверь – и он ушёл.

Она медленно вернулась к столу. Села. И долго сидела – ложечкой только поигрывая.

И, может быть, хорошо – или всё-таки жаль, – что они не могли увидеть и потому не узнали, как спустя пять минут их клиент остановился у стеклянной ресторанной двери и принялся неотрывно смотреть в зал. По бокам у глаз щитками держал ладони. И, высмотрев кого-то, одёрнул пиджак и потянул дверь.

Она не поддалась.

По ту сторону двери возник швейцар. Остановился и начал смотреть на клиента.

Клиент достал маленький кошелёк. Слюнявя пальцы, долго в нём копался. Вытащил рубль, показал.

Швейцар открыл.

Приосанясь, клиент вошёл в ресторанный зал. Не глядя отдал рубль швейцару. Повёл плечами – и зашагал вперёд.

8.

Лил дождь, и многие люди шли под зонтами.

Шла под зонтом и Таня.

Обойдя лужу у входа, она сложила зонт и вошла в почтамт.

Окошко «до востребования» было перекрыто картонкой с кривой короткой надписью: ПЕРЕУЧОТ.

Туда-сюда ходили дворники на лобовых стеклах.

Троллейбусы, мокрые, проплывали в уличном каньоне.

Торопливо-неровно стремились по тротуарам и переходам маленькие толпы.

А Таня – стояла. Её огибали прохожие и доставали брызгами проезжающие машины.

Дождило уже несильно, но всё равно было как-то беспрочно. И Таня, стоящая, была одинока.

Клиент №5 был с брюшком и плешью, но подвижен и

энергичен. Поставил на стол бутылку вина:

– Ну, давай. Штопор есть?

– А поесть?

Клиент даже как бы не понял:

– Ты голодная?

– Ну, закусить-то. Ты ж покупал.

– Закусим, закусим, – весело успокоил клиент и вынул из кулёчка батон и ломтик сыра.

– Это всё?

– Штопор, штопор!.. – веселился клиент.

Распахнулась дверь, ввалился незнакомый парень.

– Это мой муж... – привычно начала Таня. – Ой! это не муж!..

– Штопор!.. – по инерции крикнул клиент.

– Тебе нужен штопор? – спросил его парень. – В какое место?

Упала пауза.

– Молодой человек, вы не ошиблись номером? – в голосе Тани не было агрессивности. Напротив: некоторое сочувствие.

– Молчи, я не к тебе. То есть я к тебе – но сначала он.

– Вы что-то перепутали, – сказала Таня по-прежнему мягко. – Пожалуйста, выйдите.

Но парень её уже не слушал.

– Ты, лысый! Вот это вот всё собрал – и давай.

– Вам же уже сказали: вы ошиблись номером! – Клиент

был испуган, но старался это скрыть.

– Что: применить силу?

– У вас какие-то претензии к моему гостю? – Таня почему-то не волновалась.

– Претензия одна: чтоб он отсюда свалил.

– Может быть, вы присядете? И объясните, в чём дело.

– Я не сяду, пока он не выйдет. Я два раза хотел к тебе подойти. И всё время перебивают. И сейчас – вот он. И тогда я решил: ага! И за вами. Зайти, не зайти? Кайф перебить – последнее дело, да. Но он же мне – перебил?

– Я был первый! – клиент перешёл в атаку. – Не надо было опаздывать!

– А я ещё раньше тебя занимал!

– А кто подтвердит?.. А? – наседали клиент. – Кто это подтвердит?..

– Я тебе подтверждаю... – Парню мешал стул, он отбросил его в сторону.

Таня, кажется, рассердилась.

– Ребята, ребята... Вы что? Вы мне тут драку устройте?

– Не бойся, драки не будет. Он просто улетит.

– Не приближайся ко мне!.. – завизжал клиент.

– Ну-ка, давайте, уходите оба! – приказала Таня.

Парень мотнул головой:

– Уйдёт только он!

– Оба! Сейчас же!

Клиент был несогласен:

- Я вложился!
- Делай ноги!
- Убери руки!..
- Забирайте всё и оба вон!
- Убери руки!..

Парень обхватил клиента и потащил его к двери. Клиент упирался. Парень пыхтел.

– Счас я его... Ты, красивая... счас вернусь. Ты меня пожди...

Клиент цеплялся за всё, что придётся. Сумел вырваться, отскочил.

– Ах ты, гад... – парень с ненавистью смотрел на клиента. – Ну, сейчас я тебя...

От удара с грохотом распахнулась дверь – это был Саша.

– Ой! Муж! Это мой муж приехал! Боже мой! Муж! Это муж!..

– Так вот ты как... – и Саша оторопел. – А почему два?..

– Так вышло, сейчас я тебе всё объясню...

Вместо ответной реплики Саша молчал, глядя на двух мужчин.

А они глядели на него.

– Сейчас я тебе всё объясню!.. – повторила Таня с силой.

Саша медленно поставил чемодан на пол. Медленно распрямился...

– Не понял... – парень рефлекторно сделал шаг назад.

– Это мой муж!..

Таня села на кровать и закрыла лицо руками. Плечи её тряслись. Парень и клиент стояли в полном замешательстве.

– Так, – сказал Саша. – Быстренько все отсюда! Быстро, быстро!.. А с тобой я сейчас разбираться буду. – И с придыханием добавил: – Сучка!

– Не надо! – вскрикнула Таня.

Саша выпятил грудь и начал развязывать куртку. При этом он шумно дышал и прищуривался – то одним, то другим глазом. И челюсть ходила влево-вправо.

– Ты это... что? бить её будешь? – заволновался парень.

Клиент поспешно прятал в кулёк сыр и вино.

– Ничего не трогать! – приказал ему Саша.

– Это я принёс!

Саша выкатил глаза:

– Контрибуция!

– Ты что, её будешь бить? – не отставал парень.

– Это наше с ней дело! что я с ней делать буду.

– Ты всё неправильно понял!.. – голос Тани был жалобным. Или плаксивым.

– Сейчас *ты* всё правильно поймёшь!

И Саша начал снимать куртку – демонстративно неторопливо.

Клиент сунул в кулёк батон.

– Я сказал: ат-ставить! – рявкнул Саша.

Клиент вздрогнул и принялся выкладывать всё обратно.

– Ты на неё... поднимешь руку?.. – не унимался парень.

– Не в первый раз, – процедил Саша.

И тут вдруг напористо заговорил клиент:

– А собственно, за что? Мы в гости пришли, за что её бить? Вы же видите – мы вдвоём; если б один, можно было б что-то подумать; а мы вдвоём, по-соседски, мы соседи, мы вашу жену развлекаем; если б не мы, вместо нас бы, может, как раз бы один! Один! И вот тогда – вот тогда бы – вы что сказали? А?

– Послушай мужика, он правду говорит, – поддержал парень.

– Правду, правду, не сомневайтесь. И знаете, что? Давайте, как говорится, за знакомство. Мы соседи, меня зовут Виктор. А он... А вот он...

– Сергей, – сказал парень.

Саша быстро глянул на Таню. Она отняла руки от лица и чуть заметно кивнула.

– Ладно, садитесь, – буркнул Саша.

– Да! Все к столу, к столу! – клиент гостеприимно замахал руками.

Неожиданно дружно все сели за стол. Таня порезала сыр и батон. Парень завладел бутылкой и старался прочитать нерусскую этикетку. Не прочитал, махнул рукой:

– Штопор есть?

– А чё ж ты не взял? Сходи, – ехидно сказал клиент. Он совершенно уже успокоился. – Давай, Серёжа, давай. Сходи.

– Это была шутка! – объявил парень и достал складной

нож со штопором.

Поднялся с открытой бутылкой:

– А почему только два стакана?

– Ты наливаешь – к тебе и вопрос, – снова с ехидством сказал клиент.

– А вот ещё чашка есть, – Таня для наглядности её подняла.

– Это три. А нужно четыре.

– Я не буду, – сказала Таня.

– Ну, как это? – энергично возразил клиент. – За знакомство!

– Пожалуйста, без меня.

– Ну, как это? Мы тут все...

– Ну, не хочет она! – перебил парень.

– Хорошо, хорошо, – клиент взял стакан. – Дорогие друзья! Как хорошо...

– Короче, – перебил парень.

– Почему ты меня всё время перебиваешь?

Вместо ответа парень выпил.

Клиент тоже выпил.

И все принялись закусывать.

Тане закуски досталось совсем чуть-чуть. Саше тоже совсем чуть-чуть.

Клиент номер пять и парень – быстро жевали.

– Между первой и второй... – начал клиент.

– Давай! давай! – перебил парень.

Саша отодвинулся:

– Мне больше не надо.

Клиент оказался покладист:

– Как скажешь.

Чокнулись вдвоём, выпили, быстро пожевали.

– Ну, давай, – сказал парень.

– Давай.

Чокнулись, выпили, быстро пожевали.

– А ещё?

– И ещё! – клиент стал наливать.

– А что так мало?

– Всё, больше нету.

– Как?

– Вот так. Кончилось, – клиент показал пустую бутылку.

– Что – всё?

– Да.

– Как это?

– Очень просто. Была бутылка – нету бутылки.

Парень задумался.

– Надо сходить.

Клиент выразил горячее одобрение:

– Да! Давай!

– Что – я?..

– Ну, а кто?

– Ты!

– Да ты что? И эту я, и опять я? Твоя очередь, давай!

– Мужики, вы это... Хватит, – вмешался Саша. Ему это всё не нравилось.

Таня его удержала:

– Саша, они сами разберутся.

– Точно! Да! Ты прально сказала! – парень качнулся. – Счас разберёмся... чья очередь... И у кого...

– Знаешь, что? – сказал ему клиент. – Я бы хотел...

– А кому интересно, что ты хотел?..

– Почему ты меня всё время перебиваешь?.. – клиент тоже уже был нетрезв.

– Потому, что ты мне всё перебил! Гад!

– Это ты гад! Это ты мне перебил!..

– Что ты сказал?..

Парень стал выбираться из-за стола. Выбирался и бормотал:

– И ещё не доливает... Ну, счас ты ответишь... за всё...

Саша забеспокоился:

– Мужики...

– Саша... не мешайте, – Таня провела ладонью по его руке.

– Вставай! – потребовал парень.

Клиент вскочил и отступил на шаг.

– Это ты гад!.. Ты пил моё вино! А теперь...

– Ты!.. – перебил парень. – Ты – это... жлобьяра! Ты из какого города? Ты вообще – откуда?..

Он бросился на клиента. Клиент бросился в дверь.

– Стой!..

И – с топотом и грохотом – оба пропали.

Саша тут же за ними запер.

Посидели чуть-чуть в тишине.

– Вы хоть успели поесть? – спросила Таня негромко.

– Ну... так. Номинально. А вы?

– И я номинально.

– Зачем вы двоих привели? Да ещё с таким аппетитом.

– Я привела одного. Второй сам привёлся.

– Как это «сам»?

– Выследил и ворвался. Он тоже меня хотел. Я становлюсь популярной, Саша.

– М-да... С одной стороны – хорошо, конечно... А я думал – приду, поужинаю...

– Ну, что я могла сделать?

– В следующий раз проследите, чтоб за вами не было хвоста.

– Здесь есть некоторая трудность. Как определить: он идёт за мной или просто по коридору?

– Ну-у... Если он идёт за вами долго – значит, он идёт за вами.

– Долго – сколько? Как долго?

– Достаточно долго.

– А достаточно – это сколько? А если он тот, кто идёт за тем, кто идёт за мной, а тот, кто идёт за мной – просто так идёт?

– Да, тут проблема... – согласился Саша. – Однако – как быстро они напились... Я бы сказал – неестественно быстро.

– Нет. Естественно. Именно потому, что быстро.

– Парадокс, – отметил Саша.

– Ничуть. Вы видели, что они – жадные и трусливые?

– Ну, один – да...

– Второй тоже. Они оба были очень напряжены. Они не знали, как повернётся – и боялись. И в этом состоянии торопились всё выпить и съесть. А алкоголь на фоне страха либо подавляет страх, либо усиливает своё действие.

– Да. Наверное, так. Здорово вы разложили... Но вот вы зато – я даже удивился... Вы были такой спокойной... Нечеловечески спокойной.

– Это так казалось. На самом деле я очень нервничала. Я тоже боялась.

Саша не поверил:

– Вы – нервничали?..

– Да. Я ведь тоже не знала, как повернётся. А когда нервничаешь, надо быть спокойным.

Саша обдумал эти слова.

– Вы опять говорите парадоксами.

– Ну, какой же это парадокс! Не поддаваться панике – что тут парадоксального? Хотя в жизни вообще парадоксов много. Она вся из них состоит.

– Да что вы!

– Да. Вы разве этого не замечали?

Постороннему наблюдателю было бы непонятно – они это действительно всерьёз или играют в игру, которую оба и совместно сочиняют по ходу разговора. Возможно даже, что им нравилось, когда игра переливается в не-игру и обратно, им не хотелось разделять игру и не-игру, и это неразделение было смыслом другой игры – более высокого уровня, в которой играют играми, а удовольствие получают как раз оттого, что делают это с абсолютной серьёзностью. Но как бы то ни было, вряд ли бы они стали тратить время на обмен трюизмами.

– Не знаю... – сказал Саша. – Я как-то не задумывался.

– Эх, вы. А ещё математик.

– А вы кто?

– Об этом попозже. Ладно?

– Ну, ладно... Подождите! Значит, когда вы спокойны – это значит, что вы нервничаете?

– Не обязательно. Я могу быть спокойной и тогда, когда я не нервничаю.

– Логично. Но тогда вопрос уже тактический. Или стратегический.

– Отвечу на оба.

– Может быть, их надо было сразу выгнать? И вы бы тогда были спокойной без того, чтобы нервничать.

– Заманчиво, но нет. Было бы много шума. И непредсказуемость. Они были слишком возбуждены, и при этом у них было физическое превосходство. Надо было просто подождать – и они сами себя выгнали.

– Вы это всё просчитали?.. – поразился Саша.

– Немножко да. Они друг друга видели впервые, и оба дураки. Сначала они сориентировались, но работать в паре дураки не могут. Но вообще-то я скорее почувствовала, чем рассчитала.

– Я понял! Вы психолог!

Таня засмеялась.

– Саша, прекратите. Как вы говорите – это во-первых. А во-вторых – я не психолог.

– Но если я догадаюсь – вы скажете?

– Конечно. И я очень этого жду.

– Чтоб я догадался?

– Да.

– Зачем?

– Интересно. Сумеете или нет. И если да – то в какой момент.

– А если не догадаюсь?

– Я останусь неудовлетворённой.

– Хмм... – сказал Саша в раздумьях.

– Давайте, лучше я вас похвалю.

– За что?..

– За ваш талант.

– Какой талант?..

– Вы обладает даром перевоплощения.

– Я?..

– Вы, вы! кто же ещё?

Саша откровенно не понимал.

– Да ну... ну, что вы... какой там дар...

– А кто назвал меня сукой? И ещё даже хуже – сучкой?

Саша вспомнил и очень смутился.

– Ой, господи... Откуда это вылезло... Ради бога, простите... Пожалуйста...

– Прощаю. Я с удовольствием вас наблюдала... в состоянии изменённого сознания.

– Моего или вашего?

Таня засмеялась.

– Вашего.

– Да... Сознание изменилось... Причём радикально. Я даже хотел вас ударить.

– Что же вас удержало?

– Не помню, – ответил Саша после паузы.

– Постарайтесь вспомнить.

– Не хочу! Нет! – замотал головой Саша. – Трудно. Очень.

Почему-то.

– А как вы крикнули «отставить!» – помните?

– Да. Это – да.

– У вас так это вышло... по-командирски. Вы в армии служили?

– Нет, меня не взяли.

– Откосили?

– К сожалению, нет.

– Почему «к сожалению», если не взяли?

– Лучше бы взяли... В том смысле, что это значит... что это значило бы... что я здоровый.

– А вы больной?

– Да. Язва желудка, – сказал Саша легко.

– О!..– сказала Таня.

– Ничего страшного, это лечится.

– Так вам голодать совсем нельзя! Вы питаться должны... правильно и ежедневно! И, главное, регулярно!

– Да вот, стараюсь. С вашей помощью, между прочим.

– И нервничать вам нельзя...

– И здесь тоже вы помогаете. Глядя на вас... беру с вас пример.

– А она у вас болит?

– Нет, так... бывает... напоминает. Да ну её к чёрту! Давайте о том, как я крикнул «отставить!».

– Да. Как вы крикнули «отставить»?

– Я очень здорово крикнул «отставить!».

– И вот это удивительно. Вы в армии не служили, а крикнули совершенно как в армии.

– А откуда вы знаете, как кричат в армии? Вы же тоже не служили.

– Я слышала. В кино, по телевизору... Да и вообще – почувствовалась правда. В вашем крике.

– Я тоже слышал. Много раз. В детстве. Сосед вернулся из армии... и он нас муштровал. Строил нас... заставлял честь отдавать...

– И вы ему подчинялись?

– Да. Нам весело было. Это для нас игра была. Я мечтал тогда стать командиром взвода. Не космонавтом, не артистом... Не великим учёным... Командиром взвода! И вот вы сказали: «перевоплощение». Тут другое было... Но не имитация. Воспоминание.

Таня внимательно его слушала.

– Саша, а вы знаете, что вы – очень интересный собеседник?

– Ну... может быть. Не знаю.

– Но поговорить нам всё время не хватает времени, – продолжила Таня. – Извините за каламбур.

– Не хватает, да, – подтвердил Саша.

– Так вот: может, мы себе организуем – такое время? Что называется, выкроим? Хотя бы просто прогуляемся... По воздуху пройдемся...

– Нет! – неожиданно резко сказал Саша. – Я когда иду – пирожки везде продают... Ну, вы понимаете.

– Понимаю. Ну, что ж...

– Ой, а у меня тут вино в чашке, – обнаружил Саша. – Будете?

– А вы?

– Нет. Я вообще... практически не пью.

– Почему?

– Я когда выпью – сразу нарушается способность... логически мыслить.

– А она... эта способность... вам постоянно нужна? Каждую минуту?

Саша удивился:

– Конечно! – Помолчал. – Да при язве ещё и нельзя вино. – Помолчал. – Но вы извините. Я должен идти.

– Вам опять пришло?

– Да оно давно уже бьётся... как только они убежали... Да даже уже при них... Я бы вам объяснил, но словами трудно...

– А вы нарисуйте.

– Нарисую, да... Но сначала надо себе нарисовать. – Встал. – Извините.

– Ничего, я понимаю, – сказала Таня.

9.

На следующий вечер голодный Саша в куртке и с чемоданом вновь шагал по изгибам гостиничных коридоров. Перед номером Тани прокашлялся. Насупился. Челюсть вперёд – и ворвался!

И обомлел.

За столом сидела женщина мощного телосложения.

Она не отводила от Тани удавьего взгляда и на появление Саши среагировала как бы через силу.

– О! – сказала Таня. – Мой муж! Это мой муж приехал!

Саша парализованно молчал.

– Пусть он уедет, – басом сказала клиентка.

На столе были торт, халва, конфеты, сгущёнка, зефир,

мармелад, пастила, шоколад, вафли и банка варенья.

Саша потоптался. Потом всё-таки отставил чемодан и принялся выкрикивать:

– Так вот! Как ты едешь! В командировки!..

– Я тебе сейчас всё объясню, – неожиданно кокетливо отозвалась Таня.

– Не надо! – одновременно крикнули Саша с клиенткой.

Клиентка посмотрела на Сашу с отвращением.

Он потоптался ещё – и сел.

Стал барабанить пальцами по столу.

– Мужчины грубы и ленивы, – злобно сказала клиентка.

– Это некорректное обобщение, – сказал Саша.

– Что!.. – сказала клиентка с чувством. – Что может женщине дать мужчина?..

– Пойдём от противного, – возразил Саша. – Что ей может дать женщина?

– У-у!.. – клиентка закатила глаза.

– Допустим. – Саша старался удерживать диспут в академическом русле. – Но всё равно ведь всё-таки нужен мужчина.

– Это фольклор, – отрезала клиентка. – Народный обычай.

– Ну, почему? Это – природа, – рассуждал Саша. – Природа так распорядилась...

– И это, по-твоему, хорошо? Удачное распоряжение?

Вопрос был задан с такой силой, что Саша оробел. Посмотрел на Таню.

Она – за спиной клиентки – утвердительно прикрыла глаза.

– Удачное, – ответил Саша клиентке и машинально тоже прикрыл глаза.

– Я полюблю её так... – заговорила клиентка протяжно, – как ты никогда не сумеешь... Что б ты вообще понимал в женщинах?..

– Я её муж, – сказал Саша с достоинством.

– Разведись, – сказала клиентка Тане.

У Саши задвигались ноздри.

– Что значит «разведись»?.. – он вскочил. – Что все это значит?.. Что происходит? тут?.. Это что такое?.. Я сейчас милицию позову!.. В администрацию позвоню!..

– И в конституцию напиши, – прогудела клиентка.

– Я приехал... к жене! навестить!.. А тут... трансцендентная регрессия!.. Хватит! Всё!.. – ударил кулаком по столу. Подумал, ударил ещё раз. – Всё, я сказал!.. Я – вас – выгоняю.

Клиентка молчала. Потом повела головой:

– Упёртый он у тебя... Эх...

Встала. На спинке её стула оказался френч. Подала его Тане.

Таня помогла ей его надеть. Клиентка громко вздыхала.

Пошла к двери.

Обернувшись, сказала внятно:

– Чтоб ты сдох.

И вышла.

– У вас сегодня женский день? – спросил Саша.

– У нас сегодня сладкий стол, – ответила Таня.

Саша снял куртку.

– Как вам это удалось?

– Ну... захотелось сладкого. – Взгляд Тани был невозмутим.

Саша посмотрел на стол.

– Так... Вафли будем макать в варенье и заедать халвой.

– Вприкуску с мёдом и мармеладом.

– Это ужин для Гиннеса.

– Нет. Это ужин для нас. Только я сначала переоденусь.

Саша рывком отвернулся.

Таня, помедлив, начала снимать блузку.

Саша напряжённо смотрел перед собой.

– Вы успели вчера? – спросила Таня.

– Куда? – Саша повернулся. – Ой!.. – отвернулся. – Куда?..

– К вам там что-то пришло... и вы боялись – оно уйдёт.

Саша вздохнул.

– Успел... Но – бесполезно.

Таня аккуратно складывала блузку.

– Почему?

– Понимаете... – опять повернулся к Тане. – Ой! – от-

вернулся. – В целом всё было правильно, но... недостаточно смело. И потому неправильно. Знаете, в науке нужна смелость.

– И не только в науке...

– Да. Но я верю...

– И я. Я верю, что вы, наконец, осмелеете...

– Да... – он покивал. – Хорошо бы...

– Саша... – сказала Таня.

– Что?

– Там мой пуловер...

– Где? А, вижу.

– Дайте мне его.

Саша взял пуловер и, стараясь не оборачиваться, протянул его за спину.

– Берите...

– Большое спасибо, – поблагодарила Таня.

Взяла пуловер. Надела.

– А как... Красноикрянский?

– Можете повернуться.

Саша повернулся.

– Я на него написала анонимку. – Прошла мимо Саши.

– Вы?.. – поразился Саша.

– Мне так посоветовали, – объяснила Таня в ванной. – И даже продиктовали. И прежде чем отправлять, покажут ему.

– А ему – зачем?.. Смысл?

– Чтоб быстрее подействовало. А то пока дойдёт... Пока там будут изучать...

Ваткой очищала лицо.

Послышался звук: что-то упало. И Сашин голос:

– Ч-чёрт!..

– Что такое? – Таня выглянула из ванной.

Саша ползал у стола среди стеклянных осколков, собирая с пола варенье – носовым платком.

Таня ахнула:

– Что вы делаете?..

– Простите меня...

Он стоял перед ней на коленях, с приподнятыми руками.

Формально, в линиях, картина была классической.

– Оставьте! Что вы! Я сама!..

– Нет... Это я сам... – он вновь принялся вытирать.

– Нет, я сама... Ну, что вы...

Саша отталкивал её:

– Нет... Нет...

Она попыталась поднять Сашу с колен:

– Ну что вы... Ну... ну...

Он сопротивлялся – одной рукой; а другой, сжимая платок, торопливо тёр пол.

– Давайте... – тянула Таня.

– Пустите... – упирался он.

Они убеждённо боролись. Некоторое время слышалось лишь прерывистое дыханье.

– Ой! – вдруг отпрянула Таня.

– Что?.. – испугался Саша.

Она смотрела на его руку. Это было уже не варенье: по пальцам струилась кровь!

Саша стал её стряхивать. Брызги полетели во все стороны.

– Прекратите жестикулировать, – попросила Таня.

Саша принялся вытирать пальцы. Но кровь продолжала течь.

Таня молча и неожиданно стремительно потащила его в ванную.

Белизна раковины покрылась алыми струйками крови и бурыми комками варенья.

– Сейчас, сейчас... – приговаривала успокаивающе.

Нашёлся бинт; забинтовала.

– Вы как медсестра, – удивился Саша. – Как-то у вас это всё... умело.

– С вами можно многому научиться, – ответила она очень серьёзно. Настолько серьёзно, что он засомневался в её серьёзности. Но уточнять не решился.

Сели за стол. Забинтованная рука Саша висела на перевязи.

Привычно приступили к делу.

– Пастила, – через какое-то время подсказала Таня.

Однорукий Саша попробовал пастилу.

– Классно.

И посоветовал сам:

– Со сгущенкой её.

– Да, неплохо... А это, кстати, настоящий шоколад. Я уверена, что вы его не ели. Или ели так давно, что уже не

помните.

– Это когда же?

– В детстве.

– Не помню... Ну-ка... О-о... Действительно... Здорово!

Но почему.. весь шоколад не такой?

– Потому, что его уже не найти.

Саша перестал жевать.

– Если его не найти – то как же он на нашем столе?

– Любовь способна творить чудеса. Вы этого не знали?

– Ну... теоретически. Но тогда получается, что если бы эта женщина вас не полюбила, то есть если бы не чудо любви... как вы говорите... то я – никогда? не узнал бы настоящего шоколада?

– Сегодня точно нет. Но давайте о ваших делах. Мне очень любопытно: как там поживает ваше двадцатидевятимерное в одиннадцатимерном?

Саша поморщился.

– Наоборот: одиннадцати- в двадцатидевяти-.

– Простите. Никак не запомню.

– Вам нужно больше есть сладкого, – наставительно сказал Саша. – Халву закусывать тортом. Очень рекомендую.

– А вы, я вижу... сладкоежка.

– Никому об этом не говорите.

– Хорошо, хорошо. Конечно. Но почему? Это такая страшная тайна?

– Ну, я же не девушка. И не ребёнок.

– Ну, да. Ну, и что?

– Ну, как... Неловко.

– А передо мной – не неловко?

Саша на секунду замер – и отрицательно мотнул головой.

– Почему?

Саша надолго задумался. И ответил:

– Не знаю.

Они смотрели друг на друга: Таня – внимательно-пристально, а Саша – обеспокоенно-растерянно.

Вошёл в свой полутёмный номер.

Негромко бубнил телевизор, громко храпел сосед.

И чемодан, и наброшенная на плечи длинная куртка, и белеющая перевязь делали Сашу очень похожим на вернувшегося с фронта.

10.

Был конец дня.

Город жил обычной своей жизнью. По улицам шли прохожие. И по переулкам. Двигался транспорт. Дождя не было, даже напротив: жизнь украшалась мягким предвечерним солнышком.

С разных сторон к гостинице приближались Таня и Саша.

На их лицах лежала та же печать застывшей заботы, что и на всех других лицах. Они были частью всех.

Они сближались.

Они увидели друг друга.

И лица их вмиг изменились, озарились, заиграли; и они перестали быть частью всех, они стали противоположны всем.

– Привет!.. – Саша взмахнул перебинтованной ладонью.

– Привет!..

Остановились в шаге друг от друга. Показалось: обнимутся... Нет.

– Как-то непривычно... – сказал Саша.

– Что?

– Видеть вас при дневном свете.

– И вас...

– Вы не торопитесь?

Таня отрицательно качнула головой.

Они медленно шли по улице. Они – гуляли. У них был свободный час.

Навстречу им вдруг потекла толпа – из кинотеатра, – и было логично, что Таня взяла Сашу под руку.

Они шли – а на пути попадались хот-доги... мороженое... и прямо на глазах жарились и убийственно вкусно пахли пирожки с картошкой...

– Что-то вы сегодня молчаливый, – сказала Таня.

– Да...

– Это неправильно. Вы обязаны занимать даму беседой.

– Честно сказать... ничего не приходит в голову.

– И даже двадцатимерное?

– Да... даже оно.

– Сильные внешние раздражители, – вопросительно-утвердительно сказала Таня.

– Да, это точная формулировка... – Спыхватился: – А вы? На вас как? пирожки не действуют?

– Ещё как действуют! Захотелось поскорее на работу.

– Но вы же... только что оттуда!

– «Работать» – так называется то, чем я теперь занимаюсь... по вечерам.

– Понимаю вас, – Саша важно кивнул.

– Наверно, это нетрудно.

И оба не сдержали улыбок. Да собственно, зачем было сдерживать?

На город опускалась ночь.

Опустилась. Зажглись фонари и фары. В небе одиноко и тревожно висел молодой месяц.

Остановились невдалеке от гостиницы.

– Сначала вы, – сказал Саша.

– Да. Ну... до встречи.

– Ага.

Чуть задержались... и Таня направилась к ярко освещённому входу.

Громко храпел сосед, негромко работал телевизор.

Показывали женский кик-боксинг. Но Саша не смотрел.
Он собирался.

Надел куртку. Завязал пояс. Поиграл плечами.

И сел ждать. Взял со стола блокнот.

Сразу углубился. Писал. Зачёркивал. Думал. Снова писал.

Затархтел телефон. Саша схватил трубку.

– Да! Да! Почему?.. Понял! Иду!..

Бумажки на столе дежурной приподнялись и опустились:
это Саша пронёсся мимо. Без чемодана.

Дежурная, прищурившись, смотрела ему вслед.

Не сбавляя скорости, Саша обрушился на дверь.

В номере было пусто.

И стол был пуст.

Закрутился; крикнул сдавленным голосом:

– Таня!

Тишина.

– Таня!.. – заорал.

Скрипнула дверь за его спиной. Он обернулся...

Таня выглядывала из ванной.

– Сейчас, подожди, – сказала спокойно.

Скрылась и появилась вновь – в халатике. В руках несла
свою боевую блузку.

Саша сел. Он враз обессилел.

– Что случилось?..

Таня тоже села. В пальцах возникла иголка с ниткой. Блузка была разорвана пополам.

– Что случилось?..

– Предупреждение случилось.

Он моргал, не понимая.

– От девушек, – пояснила Таня.

– Каких девушек?..

– Проституток.

– Та-ак... – не сразу отозвался Саша. – Пожалуйста, по-
дробней.

– Сказали, что если ещё с мужиком увидят – я стану ка-
лекой.

– Вот так и сформулировали?

– Да. Я цитирую.

Продолжала зашивать.

– Может, они – просто пугают?..

– Да, – подтвердила Таня. – Пока только блузку порвали.

Саша помолчал. Потом спросил:

– Страшно было?

– Нет, не очень. Это всё быстро было.

– Та-ак... – повторил Саша.

– Что будем делать?

– Не знаю, – признался Саша. – У вас есть предложения?

– Как математик – вы должны рассчитать... выигрышную
тактику.

– Стратегию, – поправил Саша. – В математике это – стратегия.

– Хорошо. Рассчитайте стратегию. При условии, что пространство у нас трёхмерное. А объекты довольно злобные.

– Сейчас. Сейчас...

Сбросил куртку, выхватил ручку и свой блокнот, быстро принялся в нём чёркать.

– Рисуем дерево графов... Два варианта. Первый: прекращаем наше дело. Риск перейти в калеку равен нулю, но вероятность голодной смерти... Ого... Второй вариант: продолжаем. Здесь два варианта. Проигрыш – нападение проституток. Выигрыш – отсутствие нападения. Второй не рассматриваем за очевидностью; первый имеет два варианта... Из них первый... Так...

Замолк, погрузившись.

Таня шила. Было спокойно, тихо. Могло показаться: семейная пара, вечером, дома...

– Есть! – объявил Саша.

– Ну? – Таня отложила блузку.

– Оптимальная стратегия такова. Связи с клиентами – не терять. Проституткам нанести контрудар в виде ответной угрозы, превосходящей по модулю их угрозу, а в случае их не-испуга – вывести их за скобки.

– Каким образом?

Саша потёр лоб.

– Я получил только схему.

Таня перекусила нитку.

– Вам нужно что-нибудь постирать?

Саша растерялся.

– А...

– У меня сегодня стирка. Давайте ваше заодно. Вам сейчас трудно, одной рукой...

– Да в общем... ну... э-э... Спасибо. Нет. – И головой замотал.

– Вам рубашку пора поменять, – мягко сказала Таня.

– Зачем?.. Я к ней привык.

Теперь растерялась Таня:

– Ну...

– Да... – рассеянно сказал Саша. Он уже думал о чём-то. Начал ходить по номеру. Вдруг взорвался:

– Какое свинство!.. Два бедных человека... не могут себя прокормить... а они на них одежду рвут!..

Ещё походил и сел.

– Что же нам делать? – Таня была серьёзна.

– Да что тут делать... Ясно, что делать...

– Что?

– Всё. Ничего. Это конец.

– Вы так... действительно думаете?

– Возник аргумент с отрицательным знаком, имеющий тенденцию к росту по экспоненте... Допустим, я им – угрожу. Не представляю, чем. А они не испугаются... и действительно вас покалечат. И как я тогда... посмотрю вам в глаза?

Таня молчала.

– А почему они, собственно... – он опять завёлся. – Как вы – одна! – могли им всем помешать?..

Таня пожала плечами.

– Совсем проститутки ни к чёрту!.. – сказал он в сердцах.

– Ну может, не так плохи они...

– А... да, – сообразил Саша. – Конечно. Извините.

Невольно посмотрел на Таню.

– Не хочется сдаваться, – сказала Таня.

– Да.

– Может – не обратим внимания?

– Значит, вы не допускаете, что станете калекой?

– Нет, почему же. Допускаю.

Помолчали.

– Мы – это двое простых незащищённых граждан, – думал Саша вслух. – Всего лишь двое. А их много. Большинство. И они не простые. Они нас – могут. А мы их – нет.

Опять наступила тишина. Отчётливо было слышно, как Саша скребёт ногтем пепельницу.

– Нас не двое, – меланхолично сказала Таня.

– А сколько? – глуповато спросил Саша.

– Они не знают, сколько, – отвечала Таня словно бы в трансе.

– Ну, не знают. Ну, и что?

– Саша! – теперь она смотрела на него ясно и твёрдо. – Нас – много. Нас больше, чем проституток. Примерно в два раза.

Саша не находил слов.

– Да?..

– Да. Это во-первых. А во-вторых – мы их тоже можем.

Саша так силился понять, что даже задвигал бровями.

– Саша! – её голос возвысился. – Объективную силу имеет

не то, что объективно, а то, что субъективно. В восприятии

этих девушек я – такая же, как они. Это значит, что для них

я – тоже не одна. Что я тоже защищена. Значит, мы можем с

ними говорить на равных. То есть – с позиции силы!

Она сидела прямо, серьёзна и горда.

Саша встал:

– Гениально!..

– Поруганная вами философия... – сказала Таня с удовольствием, – затмила в данном случае вашу хвалёную математику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.